

ВАЛЕРИЙ КРАСНИКОВ

КРОМАЊОНЕЦ

Валерий Владимирович Красников

Кроманьонец

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317641

Валерий Красников. Кроманьонец: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09172-7

Аннотация

Он прожил долгую жизнь и, умирая, честно ответил на вопрос правнучки. Озвучил просьбу Богу, в которого не очень-то и верил. Получил шанс прожить новую жизнь, сохранив память и опыт. Случилось всё так, как он хотел. Даже новое тело получил возраста правнучки. Только как ему выжить, если соплеменники не умеют делать из глины посуду, не знают о луке и вся их жизнь – это битва с постоянным чувством голода? Он возродился в эпохе, когда люди только совершали первые шаги в земледелии и скотоводстве. Смогут ли знания и опыт прошлой жизни помочь ему в невероятно тяжёлых для выживания условиях?..

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Валерий Красников

Кроманьонец

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

© Красников В. В., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Пролог

– Дед, а ты правда умирать собрался?

– Да, солнышко.

Смешная она, моя правнучка. Восемь лет. Какой прекрасный возраст! Смотрит с любопытством, и разговор о моей неизбежной кончине её не пугает. Зачем я с ней говорю? Люблю ли я её, так как любил когда-то внушек? Тлеет что-то в сердце. Не горит...

– А тебе не страшно?

– В этой жизни хорошо было, а с Аллахом ещё лучше будет!

– Это с Богом?

– С Ним, внучка...

– А почему ты сказал «с Аллахом»?

– У Бога много имён, и все они прекрасны...

В самом деле, почему? Наверное, по-настоящему в Бога начинаешь верить, когда стоишь на пороге смерти. А Коран когда-то сын принёс. Вот рядом на тумбочке у кровати томик и лежит. Читаю...

– А ты точно умрёшь?

– Точнее не бывает...

Так хочется посмеяться. От души, как раньше. Нет сил...

– Я не хочу, чтобы ты умирал!

Недовольно смотрит, но не плачет. Глупый ребёнок, она

ничего не понимает. Не знает, как болят спина и ноги, как ломит в костях и нет сил, чтобы рассказать кому-нибудь об этом...

– А ты об этом не думай.

– Дед, а чего ты у Бога просишь?

Хороший вопрос! Спасибо, что надоумила. Чего бы попросить напоследок? Хотел бы я быть таким, как ты, молодым. Ребёнком? Да хоть бы и так! Но если можно было бы загадать два желания, то очень хотел бы я, чтобы со мной остались и память о прожитых годах, и опыт.

– Дед, ты спишь, что ли?

– Сплю, солнышко. Устал я. Иди к маме...

Часть первая

ДЕТСТВО

Мезолит (15—5 тыс. лет до н. э.)

Европа

Глава 1

Голова не болела давно. Лет так с сорока восьми. А раньше мигрень мучила часто. Повезло однажды узнать о гинкго билоба – реликтовом растении, единственном сохранившемся представителе класса гинкговые. Товарищ вырастил его на участке и подарил пакет с высушенными листьями. Я стал их добавлять в чай. Вот с тех пор и забыл о головной боли. Так почему вдруг снова разболелась? (А сейчас она раскалывается, будто вчера получил сотрясение мозга, или я вернулся в прошлое?)

Открываю глаза и не понимаю, где нахожусь. Точно не в постели. Хотя совсем недавно разговаривал с правнучкой!

Пахнет гарью и чем-то кислым. Темно, вверху небольшое отверстие, но снаружи, наверное, вечереет.

Пытаюсь приподняться, в глазах темнеет, и начинает тошнить...

Господи, ну зачем меня так трясти?!

Какая-то девчонка прижимает меня к груди, подвывая, раскачивается, а мне от этого не очень хорошо.

Пытаюсь оттолкнуть её и вижу у себя узкие кисти с маленькими пальчиками!

Не может быть! Неужели правда, что есть жизнь ближняя и последняя?! А ближних сколько? Что я там Ирочке о своих желаниях говорил?..

Всё ещё чувствую себя скверно, но голова болит уже не так сильно, и в глазах не темнеет от напряжения.

Понимаю, что мои желания сбылись. Сейчас я ребёнок и помню, что звали меня Игорем Андреевичем и было мне девяносто четыре. А что оказался в месте, мягко говоря, неприятном, так это всё одно лучше, чем доживать последние дни, лёжа на ортопедическом матрасе.

Наверное, мои усилия утихомирить качку замечены. Девчонка перестала скулить. Держит меня за плечи и внимательно смотрит. На первый взгляд ей чуть больше двадцати, но грудь большая с крупными коричневыми сосками, на правом выступила капелька молока... Глаза тёмные, брови густые. Нос прямой, крупный, губы полные, а лицо вытянутое. Волосы вроде русые, завязанные в узел на макушке и блестят. В её глазах вижу радость, сменяющуюся укором. Слышу приятный, но с хрипотцой голос:

– Лолó, не бегать, не бегать! – Грозит указательным пальцем и прижимает меня к груди.

Да уж, содержательно...

Снаружи доносится мужской голос:

– Таша! Таша!

Девушка насторожилась, бережно опустила меня на шкуру и выскользнула из чума. Так я решил назвать своё теперешнее жилище. Его пол устилают шкуры с жёстким ворсом. В центре очаг, выложенный из песчаника. В нём тлеют угли. Вверху у отверстия дымохода собраны и перевязаны ремнями концы длинных жердин, составляющих каркас жилища. Снаружи вся эта конструкция, должно быть, покрыта берестой и шкурами животных. На уровне пола, наверное, присыпана песком. Щелей внизу не видно, да и не дует. Места вокруг много. Чум высокий, навскидку – метров пять, а в диаметре – где-то десять – двенадцать.

Через два дня я уже знал, что случилось с мальцом, тело которого стало моим.

Родился он в племени Рыб. Два рода последние семь лет становятся зимовать на обширной песчаной дюне у реки. Дюну наваяло посреди заливного луга, который раскинулся перед хвойным лесом. Внизу по течению реки за гранитными валунами и заболоченной затокой зеленеет лиственный лес. На тех камнях прямо в бурлящую воду жители племени ходили справлять нужду. Вот там малой, переживший восьмую зиму, и нарушил правило – не бегать, поскользнулся и, упав, приложился головой о выступ.

Правила – это что-то! В прошлой жизни рассказал бы кто, никогда не поверил бы: бегать нельзя никому, потому что можно споткнуться, упасть и сломать ногу или руку. Такой ребёнок или взрослый становился тут же обузой роду. Поэтому всё нужно делать степенно, с расчётом.

У племени есть свой шаман, умеющий разговаривать с духами. Он самый старый житель посёлка. Зовут его Ахой-Медведь и ему аж тридцать две зимы! (Зиму племени пережить не просто, поэтому тут считают зимы, но мне пока удобнее исчислять время годами.) Живёт в полуземлянке метрах в ста от посёлка, один. Выглядит действительно как старик: седые космы на голове, усы и борода.

Помочь шаман, понятное дело, ничем не смог. Успокоил Таша, мою мать, что духи заберут Лоло легко и быстро, мол, мальчик не будет мучиться.

Отец у меня, конечно, есть, но кто из двух взрослых мужчин нашего рода Выдры, даже мать не знает. Наверное...

Главу моего рода зовут Лим-Камень. Ему двадцать шесть. Для меня пока все они на одно лицо. Этот светловолосый.

Второго мужчину рода называют Лютом-Деревом. Он на четыре года младше главы. И волосы у него тёмные.

Живём вместе, точнее, ночуем в чуме: мужчины, четыре женщины рода и я с братом и сестрой. Моему брату всего годик, а сестре – уже десять. Почти взрослая. Правда, она дочь другой женщины, пришедшей Саша́. (Ударение, если имя заканчивается на «о» или «а», соплеменники ставили на по-

следний слог.) Её принял в род ещё мой дед женой для себя. Родилась она в другом племени охотников. Те как-то забрели в наши края ну и поменялись женщинами. Хоть и дикари, но в этом вопросе понимание имеют. Знают о пользе новой крови. Саша из женщин самая старшая. До двадцати девяти лет обычно здесь женщины не доживают. Болеют и мрут как мухи. Слабые организмы у местных от запредельных физических нагрузок и плохого питания. Замечаю, что всё время испытываю чувство голода.

Второй род племени Рыб зовётся Белки, он больше. Их жилище стоит неподалёку, метрах в двадцати от нашего дома. В нём живут трое мужчин, пять женщин и шестеро детей. Глава рода – Той-Копьё.

Всего в племени шесть мужчин, это с шаманом, и девять женщин. Детей в возрасте от года до одиннадцати – девять. Годовалых малышей – по одному на род. У моей матери и Тибá-Травы.

Где я оказался? Пытался ответить себе на этот вопрос сразу же, как сообразил, что попал в чужое тело. Но наверняка правильно и сейчас не смогу. Может, десять тысяч лет до рождения Иешуа, а может, и раньше, поскольку луков у мужчин племени я не видел. А из прошлой жизни помню, что люди стали использовать лук четырнадцать тысяч лет назад.

Живут тут просто. Ничего не планируют, да и цель всего одна – добыть еду.

Я оказался в теле мальчика-дикаря весной. Его глазами

смотрел на воду реки, то прозрачную, то свинцово-серую в тех местах, где высокие облака бросали тень. На песчаной дюне уже не было снега, лишь с севера у её подножия спрятались несколько невзрачных недотаявших островков. Воздух пах свежестью и ещё чем-то невыразимым, солнце ощутимо пригревало, на южном склоне нашего бугра уже зеленела трава и появились полевые цветы. Таким я увидел свой новый мир.

Мужчины весь день рыбачат. Бьют гарпунами с костяными наконечниками крупную рыбу в затоках. Обычно к вечеру приносят две-три. Их добыча похожа на форель. Пока еда есть. Но зимой, судя по состоянию тела Лоло, её было мало.

Когда меня первый раз накормили подкопчённой на костере рыбой, я удивился, что ем с удовольствием, захлёбываясь слюной. В прошлой жизни представить себе питание одной только рыбой без гарнира или хотя бы хлеба вряд ли смог бы.

Таша дала полизать белый камень. Лизнул. Почувствовал горечь, а спустя мгновение восторг: соль! Мать дала лизнуть соль. А это значит, что можно и рыбу, и мясо хранить дольше! Сколько же всего нужно ещё выяснить! Во мне проснулся исследователь. Я по-мальчишески размышлял о перспективах освоения этого мира. С моими-то знаниями и опытом прошлой жизни думалось о хорошем, и силы появились свернуть горы. А всего-то рыбки отведал. Хе-хе...

Пока мужчины промышляли на рыбалке, женщины племени из шкур копытных шили одежду, чинили кораба и кор-

зины. Где они добывали лозу, я тогда не знал.

Дети находились рядом с мамами. Те, что постарше, а это моя сестра, Толó из рода Белок и её брат, помогали взрослым, а мы, мелюзга, были предоставлены сами себе. Семи-летняя девочка, зеленоглазка, ни на шаг от меня не отходит. Её зовут Лилó. А мой сверстник Тошó пока держится в стороне. Ему объяснили, что я ещё болен.

В племени почти не разговаривают. Слышу время от времени команды вроде «принеси», «нельзя», «ешь» и просьбы – обычно от детей – «дай».

Язык? Для меня русский. Может, это как-то связано с переносом...

Правда, ещё несколько дней я чувствовал себя плохо, поэтому тогда ни с кем не общался. В туалет сходить и то тяжело самому: одолевала слабость в ногах и кружилась голова. Радовался одному – ведь даже с этим недомоганием ощущал себя гораздо лучше, чем стариком в прошлой жизни.

Прошла неделя. Мне уже лучше. Гораздо...

Женщины пошли вдоль реки вверх по течению за камнем. Так они называют кремень. В километрах трёх от стоянки начинается галечник. Там они уже всё выбрали. Искать собираются выше. Детей взяли с собой. Даже годовалых. Нацепили на шею короба. Таша и Тиба несут в них малышей.

Двадцатичетырёхлетняя Тисá-Огонь из рода Белок ещё тащит копьё с кремнёвым наконечником. Хоть и мал я, но

с завистью на неё поглядываю. Без оружия чувствую себя неудобно. Хотя до сих пор ничего такого, чтобы опасаться за жизнь, не происходило. Чувство угрозы скорее протянулось из моего прошлого-будущего. Моя прежняя жизнь научила всегда быть начеку. Как-нибудь расскажу о себе, ведь есть о чём рассказать.

На днях увидел, что Лим оббивает кремень. Подумал: «Нож, наверное, делает». Подошёл, смотрю. Он не обращает на меня внимания. Приставляет к будущей режущей кромке костяное долото и бьёт по нему обычной галькой. От кремня отщипывались крошки-чешуйки. Вот их я и хотел взять себе, чтобы позже сделать другой нож, по-своему: ведь если эти осколки вклеить в деревянное или костяное основание, то выйдет неплохое изделие. Им можно будет прекрасно резать всё, что угодно! Только потянулся за ними, получил по рукам. Было обидно.

А сейчас бреду за мамашей. Под ногами путается Лило. Тошо по-прежнему один на льдине. Это мне из прошлой жизни тюремный жаргон вспомнился. Пришлось отсидеть в восемьдесят шестом по швейке. Тогда цеховиков косяками принимали – и за решётку. Грустное было время, впрочем, весёлого в моей жизни вообще было не так уж много...

Один на льдине – буквально: вор-одиночка. Это Тошо подходит. Вчера украл рыбий хвост и заточил, то бишь съел в сторонке. Тут дети сами еду не берут. Ждут, пока взрослые дадут что-нибудь.

Иду и под ноги поглядываю. С каждым новым кустом или кочкой, на которые приходилось отвлекать внимание, живая вереница картин, чувств и запахов прежней жизни таяла. Но потом полностью погрузился в изучение всего, что находится под ногами, с какой-то несвойственной мне былому страстью пытаюсь обнаружить среди серой гальки кремень. Когда увидел чёрный камень, сердце от восторга едва не выпрыгнуло. Уже успел заметить, что моё поведение и отчасти чувства изменились.

Поднял, посмотрел на просвет. Стекловидный, полупрозрачный – точно обсидиан! Почему так обрадовался? Во-первых, обсидиан для наконечника стрелы или ножа намного лучше, чем кремень, а во-вторых, я понял, что нахожусь где-то в Венгрии – только там в Европе находили его. Прекрасная страна, окружённая горами. А главное, в горах есть медь и свинец!

Геологией, конечно, займусь, если выживу. А чтобы выжить, этот размером с кулак взрослого мужчины камень сейчас самое настоящее сокровище!

Показал его Лило. Она повертела камень в руках, понюхала и отдала. Спустя какое-то время притащила почти такой же, но немного меньше! Не удержался, расцеловал девочку. Ей понравилось моё внимание, стала обнимать меня и гладить по голове.

Нашу возню заметили взрослые. Подошла Таша. Забрала у нас камни и выбросила. Хорошо, что не далеко. Забыв о

правиле, я побежал. Схватил один, потом и второй. Очень хотелось сказать ей что-нибудь нелестное о её умственных способностях...

Таша смотрит с укором и говорит:

– Не бегать! Брось! – Опять грозит пальцем.

– Не брошу! – Голос звенит, во мне разгорается ярость.

Мать отвечает изумлённым взглядом. А потом как ни в чём не бывало уходит искать кремень. Остальным тёткам пофиг.

Когда у них в корзинах уже лежало по три-четыре камня, женщины повернули к дому. Теперь я уже больше смотрел по сторонам. На глаза попадались одуванчики, лопухи, подорожник и крапива. И всю дорогу назад я вспоминал их лекарственные свойства.

Вернулись на закате. Опять поели рыбы и легли спать.

Проснулись с первыми лучами солнца. Мужчины собрались в лес за мясом. Из их реплик и жестов я понял, что охота будет необычной – не такой, как я её себе представляю. Вчера рыбаки видели, как медведь задрал лося. Как там на самом деле было, кто его знает? Может, лось раненый был или ещё телёнок, но сегодня они решили забрать у мишки то, что он не успел сожрать. Бог в помощь! Лишь бы у них получилось.

А у меня своих планов много. И первым пунктом стоит – найти глину и сделать какую-нибудь посуду. У соплеменни-

ков вообще никакой посуды нет. Ещё не додумались. А без горшка мне ни клей не сварить, ни травки какой-нибудь заварить.

Найти глину казалось простым делом. В принципе она везде есть. И на лугу, и в болоте, и в реке вполне могла оказаться. Только копать чем?

Из прошлой жизни помню, что не всякая глина подходит для гончарного дела. Слепить миску из любой можно, а вот обжиг выдержит не вся. Проверялась глина с помощью укуса. Если плеснуть немного и поверхность зашипит, значит, такая глина содержит много кальция и обязательно треснет при обжиге. Тут, понятное дело, придётся экспериментировать. Может, песочка добавить...

Подхожу к матери, она на камне вымоченные ивовые прутья галькой бьёт. Дёргаю за юбку. Оборачивается.

– Таша, мне нужно пойти, – показываю рукой направление вниз по течению.

– Нет! – Хмурится.

– Нужно!

Встаёт и идёт к чуму. Возвращается с копьём. Вручает его мне и говорит:

– Иди.

Беру, сдерживаюсь, чтобы не охнуть от неожиданной тяжести в руках, и отвечаю:

– Спасибо.

В её глазах снова изумление...

За мной засобиралась и Лило.

– Нет, – говорю ей.

Послушалась! Спокойно вернулась к женщинам.

Её брат, тот, что один на льдине, стоит, раздумывает. И таки увязался за мной. И что характерно, никто из мамаш его не остановил.

Идём молча. Копьё, зараза, тяжёлое! Но вещь, судя по всему, статусная. Поэтому и волоку сам.

Речка разлилась, кругом вода, местами ещё ледяная. Осматриваюсь и ничего подходящего пока не вижу. Нет никаких признаков глины в старых, оплывших кротовинах. А просто так копать землю совсем не хочется.

Через некоторое время вышли к оврагу. Трудно представить, что такую расщелину вымыли ручьи. Но дело они полезное сделали. Там я и обнаружил глину.

Глина бывает белой, серой и красной. Ещё жирной и постной. Эта была красная, и мне она показалась жирной.

Поднялся повыше от ручья и сколол небольшой пласт. Вручил малому. Тот, не артачась, взял. Потом нарыл и себе кусочек. Потасили добычу домой.

Солёный пот капает с ресниц и попадает на губы, сердце вот-вот выскочит из груди, ноги будто прилипают к земле – слабое мне досталось тело. Облизываю губы, кусаю язык, но стараюсь не сбавлять темп. Поглядываю на Тошо: малой пыхтит, губы сжал в тонкую линию, но ножками перебирает шустро. Добрались до стойбища быстро.

Мамки хоть и заметили возвращение блудных сыновей, но невозмутимо продолжают лупить ивняк. Я же вижу, что они повеселели, и тут же слышу их смех. О чём пошутили, не расслышал.

Глину бросил размокать в воду у подножия дюны. А пока решил помочь старшим. Выбрал гальку по руке и присоединился к Таша. Тут же был обласкан взглядами.

Ещё до заката вернулись добытчики. Притащили ногу и немного рёбер. Я был прав, лось тот телёнком оказался.

По поводу удачной охоты взрослые сложили костёр у чума. Пировали оба рода вместе. Пока лосятина жарилась, Той-Копьё стал рассказывать, как у медведя добычу стырить удалось. Ну, как рассказывать, в основном – показывать. От этой пантомимы стало мне и смешно и грустно. Наверное, они все тут телепаты. Иначе как объяснить их восторг?

Мясо стали есть почти сырым. Меня такая еда не удовлетворяла. А после еды взрослые устроили сексуальную вакханалию. При детях-то! Тьфу...

Утром мужчины куда-то ушли, а женщины снесли на солнышко размочаленный ивняк и принялись щипать из него волокна. То, что они верёвки собрались вить, я понял ещё вчера.

Проверил мокнущую глину. После ночи в воде она стала мягкой и лепится хорошо. Хотел попросить Таша сплести маленькую корзинку, чтобы обмазать её глиной, а после суши-

ки обжечь. Посмотрел на скудные запасы подготовленного материала и решил, что попробую просто вылепить руками.

Перетащил глину на камни и начал её месить, добавляя время от времени речной песок.

Лило и Тошо тут как тут. Работаю и разговор с ними веду. Беседа у нас особая: я обо всём подробно рассказываю, мол, глину готовлю, потом горшок слеплю, высушу на солнце и обожгу в печи, а они внимательно слушают. То, что печи у меня пока нет, и вряд ли они знают, что это такое, их не смущает. Слушают и внимают.

Глина стала лепиться, как пластилин. Хорошо!

Вылепил круглую болванку и стал палкой выбирать лишнее. Когда изделие стало походить на горшок, оставил работу и пошёл к Таша клянчить скребок, которым обычно пользовались для снятия мездры со шкуры животных. Она принесла сумку и высыпала содержимое передо мной. Сразу увидел то, что лучше всего подошло бы для реализации моей задумки, – длинную и немного изогнутую пластину кремня.

– Я это возьму, – сказал и тут же схватил скребок.

Уже понял, что в этом социуме нужно проявлять решимость во всём, и тогда получишь желаемое.

– Бери. – Таша, загадочно улыбаясь, убрала скребки и проколки назад в сумку и отнесла в чум.

Я какое-то время тщательно, понемногу, используя кремнёвую пластинку, срезал глину с внутренних стенок будущей посуды. Оценил – вроде неплохо получилось, даже краси-

во. Отдельно вылепил венчик и ручки. Когда примазал их к горшку, получилось что-то похожее на казанок с двумя ручками по бокам. Его я оставил там же, на камнях, чтобы глина просохла на весеннем солнышке.

Любуюсь. Со стороны горшок смотрится очень даже хорошо! Лило и Тошо, судя по их восторженным взглядам, полностью разделяют моё мнение.

Пришло время подумать, как буду обжигать первенца. Решил, что и на открытом огне обожгу, и в «печи» запекую.

Неподалёку от чума в основном руками и немного палкой выкопал ямку сантиметров на семьдесят в глубину и столько же в ширину. Песок копался легко, но всё ещё содержал частички льда, отчего пальцы покраснели и покрылись мелкими порезами. Впрочем, ни я, ни Лило с Тошо, которые помогали мне с желанием и улыбками, внимания на это неудобство не обратили.

Закончив эту работу, я взял копьё, корзину и, поманив моих помощников, направился к оврагу. По дороге снова говорил с ними:

– Посмотрите, как красиво вокруг! Небо синее, а облака на нём – как комья снега. Река шумит, птицы поют, и трава шелестит. Слышите?

Что они на самом деле понимали из моего разговора, я не знал. Лило после моего вопроса залилась смехом, а Тошо спрятал за пятернёй робкую улыбку.

Наковыряв из стенки оврага глины, сложил куски в корзи-

ну и вручил её помощникам. Сказал им, чтобы шли домой. Объяснил, что это всё нужно положить в воду. Оба закивали.

Когда дети скрылись за валунами, я отправился к листовенному лесу. Он оказался гораздо дальше, чем мне виделся. Пришлось вернуться.

Порадовался, обнаружив глину замоченной, и удивился, когда услышал, что дети, устроившиеся неподалёку, о чём-то говорили...

Увидев меня, Лило подбежала и обняла. Не помню уж, когда переживал такие приятные эмоции.

Горшок немного подсох, и я потащил его в укромное место, так как к вечеру у камней соберутся люди, и мне подумалось: «Как бы не разбили...» И тут до меня донеслись крики женщин племени.

Что у них могло случиться? Обычно женщины работали тихо. Пристроив казанок между опор чума, побежал к ним.

Вижу, Саша лежит на спине и орёт. Прижимает колено к груди. А остальные бестолково скачут вокруг и кричат:

– Ахой! Ахой!

Поначалу подумалось, что они расстраиваются – ахают. Потом вспомнил, что так шамана зовут. «Ну, сходил бы кто-нибудь, позвал бы его», – думаю, а сам присаживаюсь у ног Саша и пытаюсь рассмотреть, что у неё с коленом стряслось.

Заметив меня, женщина перестала кричать и сама показала распухший и покрасневший сустав. Наверное, полдня за

работой просидела на корточках вот он и воспалился.

Вспомнив, что лопух снимает воспаление суставов, нарушая правило, бегу в чум. Хватаю копьё и так быстро, как умею, бегу на маленький холмик, возвышающийся почти на опушке леса, к зарослям лопуха. За мной припустилась и Таша. Думал, мамаша ругаться будет. Нет. Помогла выкопать корень. А я и листьёв прихватил. Позабылось, что именно может помочь в таком случае.

Назад вернулись тоже бегом.

Хватаю гальку и перетираю корень с листьями на валуне. Таша мягко касается плеча, забирает у меня гальку и сама размочаливает корневище.

Пока мы готовили лекарство, приходил шаман. Только взглянул на ногу Саша и тут же ушёл. Девушки расселись вокруг приболевшей и рыдают.

Подошли мы с мамашей. Она в обеих ладошках несла кашицу из корневища и листьёв, а я – большой лист. Намазали тётке больное колено тем, что приготовили, обернули листом и зафиксировали волокнами ивняка.

Я говорю:

– Саша, иди в чум. Нужно поспать.

Она поднимается и ковыляет к жилищу. Без каких-нибудь вопросов!

Тётки реагируют нормально. А я вот задумываюсь: почему их поведение так поменялось?

Утром узнал, что Саша чувствует себя лучше. Женщины снова накопили корней и нарвали листьев лопуха, приготовили смесь и сменили больной компресс.

Справедливо полагаю, что теперь свободы реализовывать свои желания прибавится.

Так и оказалось.

Беру копьё, подзываю Лило и Тошо, вместе отправляемся к лесу. Ожидаю от мамаш окрика. Но тихо. Так и дошли до опушки. Правда, нас с дюны женщины всё ещё должны видеть.

Бродим, собираем ветки. Сколько могут унести в руках дети? Немного. Вернулись. Оставив поклажу у ямы, выкопанной вчера, снова пошли.

Ходили раза три. Когда мне показалось, что натаскали веток достаточно для обжига, прямо в яме сложил костёр. Принёс из чума угли в горшке. Поджёг ветки. Сидим втроём у костра, я запекаю бока первенца. Лило и Тошо время от времени подкидывают ветки в огонь.

На небе ни облачка. Солнце припекает, а тут ещё жар от костра. Не думал, что моё желание выкупаться приведёт женщин и детей к такой панике.

Отставил в сторону казанок и побежал к воде. Почти сразу нырнул. Водичка бодрила, конечно, но как приятно, как хорошо мне стало!

Выныриваю, а на берегу и женщины, и дети кричат, руками машут. Таша и Лило в слезах. Выбегаю из воды, чтобы

их утешить, получаю затрещину вначале от мамы, а потом и от крохи Лило.

Настроение утешать их сразу же улетучилось. Иду к костру, присаживаюсь, беру казанок и продолжаю обжиг.

Ну хоть бы кто поинтересовался, что я в реке делал? Снова тихо, и снова все при деле. Отходчивый народ в нашем племени и нелюбопытный...

Когда костёр догорел и ветки закончились, я разгрёб угли к краям ямы, поставил в середину казанок. Поглядывая на женщин, снял с чума кусок шкуры и накрыл им яму. Сверху песочком закидал. Всё хорошо, всем всё равно.

Пока изделие запекается, решил дамочкам помочь. Хоть и тяжела для детских пальцев работа, но старался до вечера.

На закате, когда небо стало багрово-дымным, похожим на вспышку выстрела, пришли мужчины и принесли рыбу. Женщины, бросив работу, побежали встречать рыбаков. А Тоба-Трава собрала ивовое волокно и унесла в чум Белок. Размочаленных прутиков осталось совсем немного.

Я откопал шкуру и, подцепив палкой за ручку, вынул казанок из ямы. Пока он остывал, всю рыбу уже запекли. Ну, ничего, удивлю всех завтра. Главное, звон от керамических стенок приятный...

* * *

Просыпаюсь от крепких объятий Саша.

«Не души меня своей любовью», – думаю и пытаюсь вырваться.

Как оказалось, краснота и опухоль на её колене к утру почти пропали. До полудня женщины то и дело бросали работу и прибежали потискать меня. А мы с Лило и Тошо, между прочим, очень важным делом занимались – лепили посуду!

Пришёл шаман. Он встал метрах в трёх от каменной гряды, где мы обустроили гончарную мастерскую, и стал наблюдать за нашей работой. К его присутствию я уже успел привыкнуть и, когда услышал: «Лоло, подойди», вздрогнул от неожиданности.

Проявлять строптивость в этом случае счёл неуместным. Подхожу и говорю:

– Слушаю тебя, Ахой-Медведь.

Он теребил длинную, доходящую до впалого живота бороду и молчал. Я терпеливо ждал, пока самый старший в племени решит что-нибудь. Наконец он строго посмотрел на меня и заговорил:

– Скажи, Лоло...

Наверняка он знает, чего от меня хочет, а то, что вопрос ему сформулировать трудно, для меня уже стало очевидным.

– Я отвечу тебе, Ахой. Что мне сказать?

Мне почудилось, будто слышу, как у него мозги скрипят.

– С тобой говорят духи?

Что ему ответить? Нет – не скажешь, ибо вопросов потом ещё больше будет. Попробую согласиться.

– Да, Ахой. Они говорят со мной.

Шаман кивнул и отправился восвояси. Я так и не понял тогда, обрадовался он или, напротив, огорчился.

К возвращению охотников мы израсходовали весь запас глины и успели ещё столько же принести. Четыре чашки и две тарелки сохли на камнях чуть дальше того места, которое облюбовали соплеменники.

Вернулись мужчины чуть позже, чем обычно. Той загарпунил двухметрового сома, и притащить к стойбищу его, наверное, было не просто.

Я, конечно, обрадовался, что сегодня смогу испытать в деле казанок.

Пока взрослые потрошили рыбину, я развёл в яме костерок, принёс в казанке воду и поставил его на огонь.

На мою просьбу порезать небольшую рыбку Таша отмахнулась. Это сделала Саша. Она пошла со мной к огоньку и смотрела, как варится рыба. Ну а варилась она недолго. Едва её глаза побелели, как я приготовленными рогульками вынул казанок из огня. Он не треснул!

Наколов палочкой кусочек, выложил его на лопуховый лист. Предложил Саша попробовать.

Взяв в руки лист с рыбой, она подула на неё и немного откусила от угощения. С диким визгом, ещё прихрамывая, нарушив главное правило, побежала к чуму. Удивился не только я. Все тут же побросали свои дела. А Саша стала тыкать лист то Тиса, то Таша, то Тука. Наконец Той прекратил это

представление, забрав у Саша рыбу и, особо не раздумывая, отправил её в рот. Прожевав и выплюнув кости, он зацокал языком и вынес вердикт:

– Хорошо. Дай ещё!

Мы варили рыбу до ночи. Пока луну не затянуло тучками.

Глава 2

Открываю глаза и понимаю: что-то произошло – в чуме никого нет! Почему никто меня не разбудил и где соплеменники?

Отверстие дымохода открыто, столб солнечного света наполнен пылинками. В очаге потрескивает сосновое полено.

«Кто-то же его туда положил?» – Сердце успокаивается.

Выхожу наружу и вижу соплеменников, ожидающих меня(!), и в этом нет никаких сомнений: Той-Копьё и Лим-Камень сидят на земле метрах в пяти лицом к чуму; сразу за ними – остальные мужчины племени, чуть дальше за спиной охотников – женщины и дети.

Взгляды у соплеменников обычные, без тревоги и ожидания, не осуждающие и без надежды или любопытства. Только у Таша и Лило, пристроившейся у её ног, – с обожанием.

Той берёт в руки казанок и поднимается. За ним встает Лим. У него в руках мои камни. Молча проходят мимо и направляются к лесу.

«Ну, если ушли с моими вещами, то мне нужно идти за

ними», – приходит мысль. Так и делаю.

Подходим к жилищу шамана. Они оставляют у входа вещи и так же, не говоря ни слова, уходят к стойбищу.

Понимаю, что с Ахоем что-то случилось и меня назначили новым шаманом. Пока не знаю, радоваться или огорчаться. В первый раз вижу его жилище. Устройство лишь по принципу сооружения похоже на чумы. Но если те можно разобрать и перенести на другое место, то навес над выкопанной в холмике ямой размером где-то два на три метра – вряд ли. По краям ямы строители этого жилища вбили в землю метровые колышки и между ними пропустили тонкие ветки лещины. Слева холм понижается, поэтому правая стена получилась чуть выше и деревянная крыша, покрытая камышом, имеет небольшой наклон. Дымоход сделан просто: сломали часть перекрытия и положили у отверстия два поленца, чтобы крышка, сплетённая из ивняка, не закрывала его наглухо. Тут же лежит кусок гранита. Наверное, для того, чтобы придавливать крышку на случай ветреной погоды.

Внутри всё обустроено, как и в чуме соплеменников. В очаге ещё краснеют угли. Пол устлан шкурами. У стены стоят копьё, острога и лежит какой-то свёрток.

Разворачиваю выдубленную шкурку и при виде рубила, скребков, проколов и шовного материала из сухожилий животных, провощённых и свёрнутых в аккуратные колечки, радуюсь. На фигурки животных, вылепленных из глины, смотрю с улыбкой: «Кто-то же додумался их вылепить, а сде-

лать горшок – увы, нет».

Чуть позже обнаружил склад из кремнёвых окатышей, костей и рогов животных, выдубленных шкурок с мехом и просто кожаных кусочков, кусков соли и воска(!).

Кусок чистого воска размером с голову ребёнка обрадовал больше всего. Применить настоящий воск можно и в быту, и в медицинских целях. В прошлой жизни такого не найдёшь. Пасечники в вощину обычно добавляют парафин.

Вытащил из жилища все вещи наружу. Вынес подальше объедки в виде рыбьих костей, ореховой шелухи и прочего мусора. Как смог, выбил и вытрусил пыль из шкур.

Решил сходить к реке вымыть казанок и потом забрать вчерашние поделки. Поднимаюсь на дюну – а в стойбище никого нет. У подножия же мокнет куча глины...

Пока я заселялся, время текло незаметно. И появились грустные мысли о старике-шамане. Ведь я и сам вроде ещё в душе старик. Вот жил он на отшибе в одиночестве. К кому ходил со своим горем, кому бросался на шею от радости?

Когда за землянкой я обнаружил навес, уже вечерело. Под ним были аккуратно уложены ветки и колоды. Вознамерился какую-то часть из запасов хвороста занести в дом. Когда разбирал, заметил ещё один свёрток. В старую с проплешинами шкуру были обёрнуты древки для копий и заготовки поменьше. Разбирая всё это добро у искрящего очага, услышал голос Таша:

– Лоло!

Выхожу к ней. Мать стоит метрах в пяти и ближе, чувствую, не подойдёт. Наверное, суеверия какие-то. Едва увидела меня, положила на землю рыбину и убежала.

Смотрю ей вслед и замечаю на небе звёзды, хотя вокруг ещё не темно. Полагаю, ещё пару часов сумерки продержатся.

Поскрёб рыбу кремнёвой пластинкой, выпотрошил. Руки в крови, да и рыбу помыть не мешало бы. Пошёл к речке. На всякий случай стойбище обхожу стороной.

Вышел на бережок к камням и вижу на них горшки, тарелки...

«Когда? Как? Кто показал?!» – засуетились в голове мысли.

А тут и гадать не о чем. Лило и Тошо всё видели и даже сами пробовали лепить. Вопрос в другом: как столь неразговорчивые соплеменники смогли расспросить детей, всё для себя уяснить и повторить то, что увидели первый раз вчера?

Вспоминаю, с какой лёгкостью женщины приняли сбор лопуха и компресс для Саша, и понимаю, что удивляться тут нечему. Достаточно показать, если сочтут полезным – повторят.

«Старый дурак! Даже обезьяны учатся друг у друга – обезьянничают. А ты в людях усомнился», – улыбаюсь. Приятно не только чувствовать, но и быть молодым!

Положил рыбку на бережок и медленно вхожу в воду. Хо-

лодная! Но телу Лоло привычно. Вспоминаю, как когда-то в двадцатиградусную морскую заходил, поёживаясь, задерживая дыхание, а тут просто иду и с удовольствием ныряю. Лёг на спину, смотрю в серое небо. Слова благодарности Все-вышнему вырвались сами:

– Спасибо, Господи!

Всё как в прошлой жизни: вроде уже и в сон клонило, а пропустишь мысли – и всё, сна ни в одном глазу.

Снова подумалось о шамане. Куда он пропал? Узнал, что я, в отличие от него, действительно слышу духов, и ушёл умирать в лес? Скорее всего, так.

Я подбросил в очаг хворост и взял небольшую, сантиметров тридцать, ветку. Обратил на неё внимание, когда разобрал наследство Ахоя. Структура дерева показалась не такой, как у других заготовок. Концы рубилом тёсанные, но не размочаленные, как на других деревяшках. Попробовал острой пластинкой обозначить рукоять будущего ножа. Дерево оказалось твёрдым.

Сижу, скоблю, пытаюсь вырезать подобие гарды, срезая лишнее дерево с рукояти, и думы думаю.

Хорошо, что теперь сам живу. Работать смогу без лишних глаз. С другой стороны, уже привык к зеленоглазке, Тошо, и женщин племени как-то не хватает. Странно. По-стариковски днями мог ни с кем не общаться, а тут перспектива одиночества угнетает.

Ахоя звали, когда в племени что-то случалось. Интересно, как часто он приходил сам? Наверняка мог в любое время, если хотел...

Сделаю нож, займусь луком. А надо ли? Смогу ли я натянуть такой лук, чтобы стрела, выпущенная из него, раздробила птице кости или пробилла шкуру животного?

Не-е, не о том думаю!

За всё прожитое в новом мире время пока не узнал, на что способно тело Лоло. Было тяжело нести копье и пару килограммов глины. В любом случае тренироваться начну. Подберу древко по росту, стану учиться метать.

Не мешало бы вначале сделать атлатль¹ А под него уже и древко подбирать.

Допустим, есть у меня и дротик, и атлатль, но что, голым в лес пойду охотиться? Конечно, пока особых неудобств от рассекания голышом не чувствую, но ветки, иголки, да и насекомые скоро появятся... А если укусит кто? Нет, сначала нужно позаботиться об одежде, и не такой, как у соплеменников. Шкура, обёрнутая вокруг талии, у мужчин ещё накидка, прикрывающая грудь и спину, кожаный шнурок на поясе, чтобы «пончо» не вращалось на шее. Кутюрье нервно курят в сторонке от гениальности идеи.

Обуви не видел, но наверняка что-то у них есть. Зимой всё-таки холодно...

Чувствую, глаза закрываются. Отложил скребок и дере-

¹ А т л а т л ь – копьёметалка в Мексике.

вяшку, лёг на шкуры.

Легко отжался сто раз! С улыбкой вспомнил, как учил отжиматься десятилетнего внука. Парень от напряжения даже пукнул, а нормально и раза не отжался. Что Серёжу вспоминать, сам в лучшие годы больше пятидесяти не мог.

От приседаний тоже не устал. Попробовал бой с тенью. Тут облом получился. Голова знает, как надо, а тело пока не может. А если потанцевать?

С танцами было чуть лучше. Тело гибкое, пластичное. Как-нибудь нужно попробовать с Тошо побороться. Наверняка у соплеменников существует какое-то соперничество для определения статуса среди мужчин.

Вышел на воздух, чтобы продолжить строгать основу ножа при дневном свете, и невольно взглянул на посёлок. Надо же! Народ у моей ямы толпится. Соплеменники посуду обжигают. Интересно, когда готовить в ней начнут, треснет или нет? Если с другой стороны посмотреть, всё равно польза будет: вода под рукой всегда пригодится.

Движимый любопытством, положил скребок и заготовку на землю и пошёл к стойбищу. Навстречу выбежала Лило. Также хотел сорваться к ней, но удержал себя. Не по статусу говорящему с духами нарушать правила. Хе-хе...

– Лило, не бегать! – тут же закричала Тиба, и девочка остановилась, не добежав совсем чуть-чуть. В глазах стоят слёзы, вот-вот заплачет.

Обнимаю малышку и говорю:

– Пойдём посмотрим, как у них получается.

– Хорошо делают, – ответила она.

– Кто научил?

– Ты.

Вот, значит, как!

Получается у соплеменников действительно неплохо, скорее – хорошо. Хотя некоторые поделки выделялись кособокостью, у других стенки были в два пальца, но увидел я и шедевры получше моего казанка. Кто-то из племени оказался явно не обделён талантом скульптора.

Пока я разглядывал горшки и «тазики», народ сбился в кучу, и, судя по их взглядам, я должен сейчас что-то сделать. Раз должен, произведу на дикарей впечатление!

Стучу ногтем по пузатым стенкам горшка, прислушиваясь. Река шумит и лес, ничего не слышу. Беру горшок в руки, поднимаю к уху и после щелчка пальцами слышу глухой звон. Интуитивно чувствую, что этот горшок может треснуть.

Пока проверял посуду, соплеменники взирали на мои манипуляции, пребывая в состоянии мистической экзальтации.

Когда я разделил изделия, оставив в сторону те, что, по моему мнению, не удались, Той, прихватив из разных партий небольшие мисочки, направился к реке. Остальные сели на землю, заметно эмоций не выражая.

Предсказуемо вожак Белок поставил оба глечика на огонь.

Когда вода в них довольно сноровисто закипела, он, используя палки, вытащил посудыны из огня. Народ заулыбался. Мужчины стали лупить друг друга в грудь и по плечам, женщины обниматься и тискать детей.

И всё-таки одна мисочка треснула. Толó, мужчина из рода Белок, виновато смотрел на жожака, видимо, это была его работа, но Той лишь махнул рукой и засмеялся. Напрягшиеся было лица соплеменников тут же расцвели улыбками.

Горшки, что вылепила моя сестра Миши и Тина́ из Белок, оказались лучшими. И та и другая получили прозвище Глина.

За строганием основы ножа пролетела неделя или дней десять... Взялся считать. Получилось вспомнить – девять дней. Подумалось о необходимости вести календарь.

Распорядок дня уже сложился. Просыпался я чуть позже соплеменников, но и засыпал, когда глаза сами закрывались. Утром делал зарядку, приучал тело к боевым навыкам из прошлой жизни, метал в холм, как копьё, палку с обожжённым и заострённым концом. Потом шёл в посёлок, перекидывался парой фраз с Таша, обстоятельно общался с Лило и Тошо. Ребята с каждым разом говорили всё лучше и лучше. В смысле уже вместо «хорошо» по любому поводу применяли и другие слова, вроде «красиво», «нравится». Взрослые так по-прежнему не говорят. Потом возвращался к себе и принимался за работу.

Надоело только ужинать. В смысле – принимать пищу один раз в день. Вечером снова приходил в посёлок к родовому чуму за рыбой и старался растянуть порцию ещё на завтрак и обед.

Завёл-таки палочку-календарь. На первое время обойдусь зарубками, позже что-нибудь другое придумаю.

Ножу не хватает режущей кромки. Есть лишь процарапанный паз миллиметра три в глубину. Осталось отколоть полоски от куска обсидиана или микролиты и вклеить.

Оббивать камень не хочу. Обсидиан – почти стекло. И кремьень, конечно, может глаз повредить...

Знаю другой способ. Острой кремнёвой пластиной, стараясь сделать метки одним движением, процарапал на куске обсидиана полоски. Нагрел камень в огне, быстро вынул и щетинкой, вырванной из кабаньей шкуры и смоченной в воде, провёл по крайней метке. И он треснул! Отколовшаяся от основы пластинка не годилась ни для наконечника дротика, ни для ножа, но ей по идее можно резать всё, что угодно.

Решил проверить, не откладывая в долгий ящик. Достал несколько кусочков кожи. Разметил по деревянной заготовке контуры ножен. Прорисовал угольком линии разреза и приступил к испытаниям.

Получилось не идеально, но всё-таки нарезал. Наделал костяной проколкой по краям дырочки и, пропустив в каждую провощённое сухожилие, связал части будущих ножен между собой. Хотел обрезать концы, но передумал. Бахро-

ма по краям смотрелась красиво. Прожёл два больших отверстия вверху. Тлеющей палочкой ещё больше увеличил их диаметр, чтобы кожаный шнурок влез наверняка. Буду ножны на шее носить, как Маугли.

Потом из сосновой ветки выстрогал заготовку, похожую на нож, но чуть больше, и забил её в основную заготовку. Обстучал галькой края, потянув кожу, и отложил. Приобретёт форму – попробую нагреть над огнём. Точно не был уверен, но рассчитывал, что кожа должна затвердеть.

Вторая отколовшаяся от камня пластина получилась идеальной для моей задумки. Смотрел на овальную, сантиметров десять в длину, пластинку и видел наконечник своего первого дротика. Тут же забыв о ноже, полез на крышу за гранитным камнем. На нём галькой обстучал края стекловидной пластины. Результат не понравился.

Пришлось разжечь неподалёку от землянки костерок. Пока прогорали ветки, сбегал в лесок и срезал ветку лещины. Расщепив её кончик, вставил туда заготовку наконечника. Притащил к костру миску с водой и какое-то время набирался решимости продолжить эксперимент с нагреванием обсидиана.

Когда я провёл по кромке нагретой пластины мокрой ворсинкой и отколол от неё несколько чешуек, то сплясал у костра настоящий шаманский танец. Восстановив дыхание, попробовал добиться такого же эффекта снова. Скол получился чуть больше, но и режущая кромка стала острее. Прому-

чился часа два, но в итоге получил наконечник с идеальной режущей кромкой сантиметра на четыре от кончика. Осталось как-то сделать из нижней части черенок – и наконечник-мечта готов.

Рискнул сделать кремнём косые метки в нижней части заготовки, чуть-чуть, где-то на сантиметр, не доводя царапины до основания. В итоге после нагрева идеального скола не получилось, но я и не испортил. С обеих сторон отвалились кусочки, напоминающие лунные серпики. Для ножа они не годились, а наконечник получился что надо!

Чуть позже, правда, расстроился. Понял, что с наконечником для дротика переусердствовал. Уж больно он стал походить на наконечник стрелы. Теперь, случись воткнуть его в кого-нибудь, возможно, чтобы его извлечь, придётся вырезать. Расстраивался не долго. Решил, что ещё сделаю, и не один.

Пока сидел у костра и любовался на своё творение, пришла новая мысль: «А не расщепить ли мне первую пластинку вдоль? Может, что-то путное для ножа выйдет?»

Стал делать и понял, что мне повезло в самом начале выбрать правильное направление меток. Пластина кололась не так, как камень. Она крошилась. Вместо одной получалось две-три с изгибом. С помощью обивания галькой и нагрева удалось подобрать части для режущей кромки ножа.

За этим занятием прошёл весь день.

С утра начал ругать себя. Вспомнил, что рыбий клей лучше всего варить из плавательных пузырей. А тот, что варят из костей, шкуры и голов, больше подходит в качестве лака, пропитки.

Посидел, погоревал, взял гарпун и пошёл искать рыбаков. Прошёл километра три, размышляя, сколько же рыбы надо набить, чтобы сварить хоть немного клея? И вдруг, словно удар грома, вспышка молнии, пришло озарение! Бегу назад с одной мыслью: «Только бы какой-нибудь зверь не утащил копыто лося...»

Пока бежал, подумалось, что и сосновую смолу можно попробовать. Тут же отказался от этой идеи, предположив, что она лучше подойдёт для крепления наконечников стрел.

Кости, а главное, та, что с копытом, лежали там, куда их выбросили соплеменники, – в мусорной яме, выкопанной на краю дюны. Ни запах, ни мухи не отбили у меня желание захабарить столь нужный ингредиент. Хорошо, что поблизости никого из соплеменников не было. Интересно, какие мысли возникли бы, увидь они меня с костяной ногой? Пугать народ в мои планы пока не входило.

Добрался до своего жилища никем не замеченным. Подкинул в очаг поленьев и поставил на огонь казанок, бросил в воду отбитое камнем копыто. То, что немного с костью, даже хорошо. Теоретически для получения клея и кости варят. Помня, что до кипения варево доводить не стоит, часто снимал посудину с углей. Умаялся до испарины на лбу. Ино-

гда опаздывал, варево закипало. Чертыхался и надеялся, что клей всё равно получится.

Отколол ещё одну пластинку обсидиана. Проверенным методом заострил режущую кромку, не меняя формы наконечника. Срезал с палки-металки обугленный кончик. Не хотелось менять древко. Рука привыкла уже к этому. Желание закончить нож и приладить наконечник на дротик прогнало сон.

Я чуть было не попробовал на авось использовать клей. С улыбкой вспомнил прочитанное в Коране: «В дела спешащего вмешивается дьявол» – и решил варить клей ещё.

Всё чаще приходится подливать воду, но процесс идёт!

Перед тем как уснуть, я слил густую жёлтую массу в самую маленькую посудину, из тех, что мы налепили с детворой в первые дни, что-то вроде чашек. Вот эта поделка и пригодилась.

А едва проснулся, побежал посмотреть, что в итоге получилось. Клей затвердел. Я немного поковырял его костяной иглой – крошится. Хорошо это или плохо, пока не знаю. Разбил посудину, от формованного куса отколол чуть меньше половины. Положил в миску и залил водой. Оставшуюся часть припрятал в землянке.

Пока клей проходил проверку, решил заняться гардеробом. Разложил у входа в жилище шкуры и куски кожи, прикинуть, что подходит для моих отнюдь не выдающихся

габаритов, чтобы реализовать задумку. Взял уголёк и приступил к разметке выкройки.

Для начала отмерил палочкой длину своего тела от плеча до пупка и обломил лишнее, чтобы не путаться. Такую же линейку сделал по ширине груди, оставив немного больше для того, чтобы нарезанная по этим меркам кожа могла сшиться и не жать. Вырезал кожаный прямоугольник. Повертел его в руках так и сяк, прикинул и сделал полукруглый вырез с одной стороны, чтобы будущий нагрудник не натирал шею. Для спины размер увеличил, но ненамного. Потом отрезал две широкие полосы для лямок, по задумке – соединительные для нагрудника и спины. Походил, поразмыслил, нарезал ещё две полосы, чтобы скрепить обе части «доспеха» в районе талии.

Наверное, я утомляю подробностями? Но тогда для меня всё это было важным вопросом выживания. Я был гол! Буквально, а не фигурально, и беззащитен. И если мальчугану Лоло, сохрани он свой разум, было бы на это плевать, то мне – дедушке из двадцать первого века – нет!

Поэтому работал я усердно. Отверстия в коже делал основательные, чтобы легко вставлялся любой шовный материал от сухожилий и верёвки до кожаных ремешков. На первое время собрал с помощью сухожилий, благо от Ахоя «ниток» самой разной длины досталось много. Надел через голову, затянул немного на талии. Удобно. «Лишь бы не натирал, когда двигаться в нём начну», – подумалось.

Тут же захотел приладить наплечники. Честно говоря, в этом доспехе не планировал каждый день ходить. Делал от страха столкнуться когда-нибудь с хищником или недружелюбным человеком.

Решил и сделал. Всё, конечно, с точки зрения человека двадцать первого века, выглядело криво. Как говорили в будущем, «сделано левой ногой», но мне нравилось. Любуюсь своим творением и посмеиваюсь, представляя себя голозадый и босоногим, но в суперпупердоспехе!

«Ничего, что-нибудь придумаю...» – Едва мысленно обнадёжился, как пришла идея вырезать из самой толстой кожи пояс.

Отрезал полоску шириной сантиметров семь, обернул чуть ниже талии и лишнее обрезал. Проколот с краёв по две дырочки. Подобрал из запасов два ремешка и вставил в отверстия. Опясался, завязав вначале верхние ремни, затем – нижние. Снял пояс и приступил к нарезке так называемых передника и задника, а к ним ещё две полоски, чтобы закрепить подвижные элементы юбки чуть ниже бёдер. Получилось в итоге просто замечательно: и поддувает, и защищает.

Хотел ещё наручи смастерить, но и сил уже не было, и пальцы болели. Прилёг на шкуры и задумался о том, как обувь делать буду. Казалось простым вариантом – взять такой кусок кожи, чтобы ступня полностью помещалась на нём и оставались края, которые, если сделать подходящие отверстия, можно было бы зашнуровать вокруг стопы и щиколот-

ки.

Для более сложного варианта времени потребуется гораздо больше, но главное – нужна кожа, которой осталось совсем немного. Терзало меня подозрение, что соль, воск и кожа выменяны (у кого?) Ахоем на что-нибудь другое. У соплеменников кожи и воска не видел, а зализанная соль у Таша – почти лакомство.

Ещё можно вырезать из кожи что-то вроде стельки, приклеить одну к другой, если клей получится, прошить наощипанным сухожилием, прихватывая подготовленные элементы верха. Что-то в итоге да выйдет...

Неустанно массируя натруженные пальцы, пошёл посмотреть на клей. Водичка хоть и окрасилась, но кусочек в ней не растворился, а немного разбух. А это здорово! Если верить моей памяти – такой клей не боится сырости.

Оставил в плошке немного воды, чтобы она едва покрыла затвердевшую массу, и поставил посудину на угли. Принёс к костру подготовленные микролиты, основу ножа, древко для дротика и наконечник. Нарезал разных палочек-намазок и уселся ждать, когда приготовится клей.

Когда комок расплавился и превратился в однородную массу, миску с углей снимать не стал. Помнилось, что работать можно только с горячим. Замазал этим клеем паз на деревянной основе ножа и одну за другой вставил пластинки обсидиана. Отложил в сторонку просыхать.

На расщеплённый конец древка будущего дротика обиль-

но намазал клейкую массу, вставил обсидиановый наконечник и стал с усилием наматывать сухожилия. Когда решил, что намотал достаточно, сверху ещё обмазал клеем.

Нож получился скорее оружием. Кожу, шкуры или деревянные на много удобнее резать острой как бритва обсидиановой пластиной. Не мудрствуя, так же как крепил наконечник на древко дротика, приладил несколько пластин к деревянным ручкам. Получились удобные ножички для хозяйственных нужд.

Футляр для своего большого ножа, как и планировал, нагрел над пламенем, потом вынул из него палку. Нож в такие ножны вошёл свободно, что было хорошо для режущей кромки, но очень плохо для ношения. Пришлось наклеить на крестовину полоски кожи, намотать сверху сухожилия и ещё раз обмазать клеем. Когда всё просохло, лезвие в чехле болталось свободно, а крестовина садилась в футляр плотно.

Если своим оружием я был доволен, то чуни получились так себе. Обуваться в них решил, когда в лес соберусь. Ходить в такой обуви жарко, и мочить её не стоит: шкура выделана плохо, может загрубеть, да и запах будет от меховых ковриков ещё тот. Определился, что мастерить пока ничего не буду. Лучше с племенем больше времени проводить стану. Пожалел, что всё делал сам. Всё равно придётся обучать приобретённым навыкам соплеменников.

Как в воду смотрел!

Прошли сутки, как я подарил Таша и Лило свои поделки – обсидиановые ножички с деревянными рукоятками. Просыпаюсь от крика. Слышу голос Тоя:

– Лоло! Лоло!

Выбираюсь из землянки – а он, как и все, близко не стал подходить. Стоит и окатыши обсидиана в руках держит.

– Покажи, – говорит.

Мне понятно, чего он хочет. Ножички мои ему понравились.

Глава 3

Вода отходит. Уже кое-где по лужку можно и посуху пройти. Но всё же для демонстрации новинок и обучения выбрали тот холмик, где заросли лопуха. Так сказать, на нейтральной территории. И от моей землянки, и от стойбища – место равноудалённое.

Как я показывать буду, смотреть захотели все мужчины племени. Значит, рыбу бить сегодня они не будут. А чем же тогда племя сегодня голод утолит? На мой вопрос о перспективах рыбалки Той ответил просто:

– Рыбы много.

Уже и я телепатом становлюсь! По жестам и интонации понимаю: «Не переживай, рыбы будет много!»

Едва продемонстрировал соплеменникам, как трескается обсидиан, распадаясь на острые, как хирургический скаль-

пель, пластины, Той вскочил и, призывая народ идти за собой, направился к стойбищу.

Там нас ждали женщины и дети. Вожак Белок вытащил из чума рода свёрток. Бросил его у входа. Женщины принялись его разворачивать. По мере раскатывания вынимали палочки и листики, застрявшие в крупных ячейках.

«То ли бреденёк, то ли сеть», – решаю.

Тина-Глина принесла верёвку и сноровисто начала чинить порванные участки.

К полудню всё племя, взяв сети, короба и корзины, двинулось вниз по течению. Мужчины несли только копья, а Той прихватил ещё и топорик. Я, понятное дело, не мог пропустить столь яркое по меркам однообразных будней событие. Отправился с ними.

Перешли вброд заболоченную балку и направились от реки к лесу. Прошли километров пять-шесть. Идём между берёзок и осин. Лёгкий ветерок принёс свежесть и запах болота. Вскоре вышли к озерцу, заросшему камышом и осокой.

Той быстро обкорнал поваленную берёзку, оставив только трёхметровую середину. Я заметил, что её ствол облеплен трутовиком. Стал озиаться в поисках чаги. Вспомнилась история из прошлой жизни.

Чага – полезный для человека гриб. Мощнейший биостимулятор. Ещё в девятнадцатом веке фармацевты пытались понять, что именно в нём полезно. Крестьяне, экономя деньги на чае, заваривали рыжеватую сердцевину гриба и пили.

Никто в таких деревнях не заболел онкологическими заболеваниями. Это всё, что я знал о чаге, когда поехал с друзьями на рыбалку.

Все тогда уже в возрасте были и переживали о здоровье. Увидел я поваленные берёзки, обросшие трутовиком, как позже выяснил – ложным, и давай собирать. Феликс смотрел на мои потуги, смотрел, вдруг спрашивает: что это я делаю? Я тут же выложил всё, что знал, и об онкологической профилактике упомянул.

– Мне тоже нужна онкологическая профилактика, – пробормотал товарищ и начал осматривать стволы засохших берёз.

Смотрю, и он собирать начал. Вдвоём веселее. Насбивали по большому пакету грибов. Обмениваемся впечатлениями, что пахнут они как съедобные, и даже рыжую сердцевину в них нашли. Я подробно рассказываю, что именно её нужно нарезать кубиками и высушить. Потом, конечно, выяснилось, что мы фигнёй занимались. Зато посмеялись от души.

Сейчас я знал, что искать. Пока мужчины давили брёвнышком прибрежные заросли, медленно продвигаясь к чистой воде, посматриваю на берёзки, ищу взглядом чёрные наросты. Знаю, что обязательно найду. Заражённое спорами дерево обычно через двадцать – тридцать лет погибает. То тут, то там в роще у берега озерца стоят сухие стволы, а на земле их ещё больше.

Взял топор Тоя, небольшую корзину и углубился в рощу.

Сразу нашёл два дерева с чагой. На одном чёрные наросты расположились высоко, а на втором – в самый раз, чтобы попробовать стесать их.

Топорик так себе, обычный: отретушированный кремешок сантиметров двенадцать, примотанный к палке. Но я и таким управился. Снова посмотрел по сторонам и заприметил ещё оно дерево...

Так увлёкся, что, когда услышал крики, а звали меня, удивился: не замечал раньше за собой отсутствие контроля. Откликаюсь и возвращаюсь на берег. Вижу в метрах пятидесяти ещё одну проложенную «просеку».

Той недоволен. Ведь я топор забрал! Оказывается, нужны палки для бредня. Пожимаю плечами, показываю на корзину и говорю:

– Польза. Не болеть!

Ну, и руками размахиваю для пущей важности.

Кивает в ответ, берёт топор и уходит в рощу. Соплеменники тут же сбиваются у корзины. Берут чагу, нюхают, кое-кто даже в рот суёт.

«Ничего, научу народ варить чай».

Вернулся вожак, принёс две полутораметровые жердины. Он и Тина примотали их по краям волокуши и стали заводить её в «просеку». Толо, самый высокий человек в племени, взялся за капюшон бредня и пошёл за ними.

Проваливаясь по колено в ил, они вышли на чистую воду и завернули снасть ко второму проходу. Толо загружает сеть,

опустившись по шею в воду.

Соплеменники полезли в заросли камыша, топая и крича. Я, с интересом ожидая результата такой рыбалки, направился к месту, где они вытаскают волок из воды. Предполагал что угодно, но количество рыбы и раков, застрявших в верёвочных ячейках, меня поразило. Крупные караси закупорили сеть, и в западню попало и много мелюзги с ладошку. Интересно, что они с таким роскошным уловом делать будут?

А рыбачки очистили волок, тут же его подлатали и снова полезли в воду. Рыбачили, пока не заполнили все корзины и короба.

Женщины потрошили крупных карасей, выбирая икру, а я кружил рядом, собирая в миску плавательные пузыри. Дети нанизывали мелкую рыбёшку на прутики, а мужчины в это время что-то сооружали над ямой, где недавно обжигали гончарные изделия.

Они воткнули заострённым концом четыре подготовленные палки с множеством обрезанных на сантиметр-два от ствола веточек. На эти «рогульки» по периметру положили перегородки из лещины. Развели огонь. Когда костёр прогорел, разложили прутики с рыбой на перекладыны и стали кидать в костёр свежие ветки ивы. Тут же пошёл густой белый дым.

«Была бы соль! Засолить бы на пару часиков и только потом закоптить рыбу. Тогда хранить её можно долго», – мыс-

ленно сокрушался я, наблюдая, как бока рыбёшек начинают менять цвет.

Близился вечер, гасли яростные краски неба, загустела озёрная гладь, потемнела. Нагруженные уловом, мы медленно побрели к стойбищу. Там до темноты объедались раками, икрой и карасями, а с утра пришлось снова показывать, как из куска обсидиана получаю острые пластины. На этот раз мужчины радовались как дети. Потом принёс клей, объяснил, как сумел, что сварил я его из копыта той ноги лося, которого они отобрали у медведя. Эта новость их расстроила. И не было уже радости, когда первые пластинки приладили с помощью моего клея на деревянные рукоятки. Пришлось успокаивать, что, мол, из рыбы клей тоже сварить можно. И вообще, в чём проблема? Пойдём в лес, убьём лося, и будет всем счастье!

Той просит:

– Покажи...

Секунду я находился в мечтательном ступоре, решил отомстить ему и отвечаю:

– Покажу.

Понимаю, вопрос «когда?» не услышу. Нет у них таких вопросов, как нет и понятий – вчера и завтра.

– Покажи, – снова говорит, хмуря брови.

Развожу руками и повторяю с нажимом:

– Покажу!

Кивает в ответ...

«Обещать – не значит жениться».

Тут афоризмы мне вряд ли помогут. Строгаю копьёметалку и размышляю о своём обещании. Охота на копытных – дело серьёзное! Надеюсь, местная живность непуганая, подпустит охотника на дистанцию меткого броска.

А до этого ходил в елово-сосновый лес. Нашёл кривую палку. Увидел в ней копьёметалку и подобрал. Ещё немного – и закончу работу. Получилась удобная ручка, чуть выше небольшое утолщение и изогнутый конец. Если держаться за рукоять, то окончание располагается почти параллельно предплечью, немного загибаясь вверх. Сейчас выровняю ложе и выковыряю на самом кончике стопорную ямку.

Кстати, в лесу опробовал чуни. Ходить в них понравилось. Бродил недолго, но видел огромное стадо косуль, голов так на пятьдесят, может, и больше, лисицу и беременную волчицу. Напугала она меня до смерти, хотя спокойно протрусилась мимо и скрылась в овражке. Но я-то заметил её не сразу!

Еды теперь в племени много. Отъедаюсь. И дары озера ещё не приелись. Соль у соплеменников для посола всё же нашлась. Крупных карасей разрезали вдоль хребта и, пересыпав солью, уложили в короба.

Пытался выяснить у Таша, где они берут соль. Показывает направление – вверх по течению и растопыренные пальцы обеих рук. Смотрю на неё и ничего понять не могу. Сбегала в чум, принесла кремень. Гладит по голове, заглядывает в

глаза.

– Лоло... – И рукой вдаль по реке машет.

– Таша, там? – Повторяю её движение.

Думает недолго.

– Там.

Достаёт из сумки, она у неё почти всё время на плече болтается, свой «леденец» и кладёт перед собой на землю. Рядом кремень. И снова суёт мне растопыренные пальцы под нос.

Беру соль и говорю ей:

– Соль. – Потом камень обзываю: – Кремень.

Она повторяет:

– Соль, кремень.

– Соль менять на кремень... – Перед тем как произношу «кремень», показываю десять пальцев: – Так? – Киваю на всякий случай.

Сообразительная у меня мамаша. Недолго зависает.

– Так, – отвечает.

Прячет соль в сумку, идёт к чуму, чтобы отнести кремень, слышу, повторяет: «Менять, менять».

«Больше с народом общаться нужно», – чешу затылок.

Мужчины теперь не рыбачат. С утра уходят обсидиан искать, а по вечерам, пока солнце не сядет, расщепляют его на пластины. Наверное, менять будут на соль и другой дефицит.

Вместо раздумий о рогах и копытах мне тоже не мешало бы озаботиться личными запасами.

«Меркантильный... Чего я вообще переживаю? Ведь тут коммунизм строить не нужно. Он есть!»

Испытания атлатля меня порадовали.

В будущем энтузиасты делали копьеметалки самых разнообразных конструкций. Дротики для стабилизации оснащались оперением. Могу ошибаться, но память зафиксировала прочитанную когда-то информацию о рекорде броска с помощью атлатля на двести тридцать метров. Я запустил дротик метров на пятьдесят! И снова танцевал шаманский танец, потому что, когда рукой кидал, если целился, получалось метров на пятнадцать и, когда бросок направлял в небо, максимум на двадцать пять.

«А что, если попробовать самому поохотиться?» – Мысль вызвала прилив энтузиазма.

Прежде чем отправиться в лес, подумал о маскировке и решил сделать травяную юбку – обнаружил на опушке целые заросли какой-то мягкой высокой травы – и, может, что-нибудь на голову.

По моей просьбе Таша выделила метра полтора верёвки. Я нарезал ножом травы. Конечно, управился бы и руками, но без ножа потратил бы на это дело уйму времени. Навязал метёлок так, что над узелком остались колечки. Обмерял верёвкой талию, завязал, не сильно затягивая. Обрезал лишний кусок. Таким же способом сделал замеры и для головы. Нанизал на верёвки пучки травы и приделался. Пока не знаю,

как смотрюсь со стороны, но чувство удовлетворения испытываю. Обул чуни и пошёл в лес.

Стараюсь во время ходьбы шуметь поменьше. Замечаю по характерным шарикам на земле, что косули в основном держатся у зарослей лещины или в густом ельнике. Там, где я видел стадо несколько дней назад, их теперь точно какое-то время не будет. Объели всё, что могли.

Застучал дятел, и лес сразу наполнился и другими звуками. Слышу крики ворона, стрекотание сорок, от рёва медведя бросило в пот. Прислушиваюсь. Вроде далеко косолапый...

Поглядывая на солнышко, прохожу дальше. Набрёл на густые заросли и там увидел небольшое стадо косуль. Они объедали молодые побеги лещины, и мне показалось, что смогу подойти ближе, не потревожив их. Только показалось...

Я и не думал готовиться к броску, лишь крался, а животные уже насторожились и медленно пошли от меня вглубь зарослей. Бежать и кидать дротик наудачу счёл неразумным. Развернулся и пошёл к землянке, обдумывая новую идею. Появились мысли, что и как нужно показать будущим охотникам. От охватившего меня нетерпения побежал.

Прихватив из наследства Ахоя фигурки животных, вылепленных из глины, пошёл к мужчинам на облюбованный ими холмик. Увидел, что они сейчас там что-то мастерят.

Мой внешний вид привёл мужскую часть населения в неопишуемый восторг. Той стал выкрикивать имена женщин,

и вскоре почти всё племя собралось у мастерской. Зеленоглазка тут же полезла обниматься. Слышу, шепчет на ушко:

– Ты красивый...

От её слов краснею вопреки прожитым в будущем годам. Смеюсь, чтобы нормализовать взбушевавшийся вдруг гормональный фон, отмечая речевой прогресс Лило. И ей смешно...

* * *

То ли я и правда был неотразим, то ли травяную юбку и венки соплеменники сочли удобными, но к вечеру уже все щеголяли в обновках. Не знаю, одному ли мне показалось, что женщины стали выглядеть сексуальнее? Было трудно контролировать желание и не бросать случайные взгляды на места, что раньше надёжно закрывали шкуры. Таша, заметив, куда направлен мой взгляд, а смотрел я на присевшую у костра Тиба, лишь взъерошила волосы на затылке и рассмеялась.

План охоты удалось показать мужчинам только утром следующего дня. Они сами пришли к землянке, и, когда я вышел на зов Тоя, тут же снова услышал:

– Покажи!

Собрав всё необходимое, отправился с ними к мастерской. Указываю на большой кусок песчаника, который Лим-Камень использовал как табурет, и обзываю его лесом. Рукой

указываю на виднеющиеся сосны. Ставлю на камень фигурки животных. Поглядываю на охотников.

Им интересно.

Подталкивая, отвожу их всех за камень и изображаю скрытность. Раза с пятого одной и той же сцены моего спектакля они стали осмысленно повторять то, что я им показывал.

Потом я прыгал и кричал, после – развернул фигурки на камне, будто напуганные животные убегают от загонщиков, а сам присел перед камнем, изготовившись для броска.

Заметив атлатль в моих руках, Толо всё испортил. Пришлось дать всем его рассмотреть.

Наконец всё более-менее получилось. Вначале охотники крались, потом стали прыгать и кричать, Той развернул ко мне фигурки, и я метнул дротик.

И снова в их глазах восторг и изумление. Бросали по очереди раз по двадцать, а меня жаба давила – как бы с накопленным чем-то не случилось. Как наигрались, пошли в лес. Я отвёл их к тем зарослям, где вчера видел пасущихся косуль. Они и сегодня оказались там. Метров за сто жестами я показал соплеменникам, что нужно обойти кустарник. Той кивнул, и загонщики ушли.

Мне удалось приблизиться к животным метров на сорок, пока они не стали уходить. Затаившись за разлапистой елью, я замер. Ожидал не долго. Только услышал крики, сразу увидел выбегающих из зарослей лещины косуль. Сердце тут же

заколотилось, и, как водится, я лишь сейчас пожалел, что не сделал ещё два или три дротика.

Пробежав метров двадцать, животные остановились. Поскольку загонщики приближались, косули пошли на меня. Крупная самка медленно брела мимо, то и дело оглядываясь. До неё всего метров восемь. Забыв об атлатле, кидаю дротик рукой. Время для меня будто остановилось. Вижу, как чёрное жало пробивает шкуру, проходит под позвоночником. Отчаянный прыжок раненого животного и падение на живот, конвульсии и стекленеющие глаза.

Когда охотники, крича от радости, подбежали к трофею, я всё ещё стоял у ели.

Глава 4

Две недели – срок, конечно, небольшой. Но две недели ничегонеделания, если сравнить с жизнью, где каждый день был голодным в трудах и заботах, наверное, долгий. Вспомнилась история, случившаяся со мной там, в будущем, когда я ждал важного для меня решения от следователя. Он был моим товарищем, обещал помочь сыну. Тогда неприятная история вышла, но не о ней мои воспоминания.

Прошла неделя, вторая, а вестей от товарища всё нет. И каждый день я ждал звонка. Наконец он позвонил.

– Привет, прости, что заставил тебя ждать. – А голос в трубке такой спокойный, ленивый.

– Да ничего. Думал, ты уже не позвонишь.

Услышав в моём голосе упрёк, а сказано было тем ещё тоном, он объяснил так:

– Ты понимаешь, для тебя дни проходят. – И очень медленно он стал перечислять дни недели: – Понедельник, вторник, среда. А для меня – понедельник, понедельник, – сказал он почти скороговоркой...

Время, оказывается, течёт по-разному. Для меня и те, в будущем, и эти дни, в теле Лоло, тянулись долго, но, слава богу, не были ожиданием чего-то неприятного, и этой особенности восприятия на этот раз я был рад.

Единственной обязанностью – устраивать шоу у камня с фигурками животных для охотников племени – я не тяготился. Без этого аттракциона парни не верили в успех. Я понял, что шаманить – моя судьба. Дело всей жизни всерьёз и надолго. Хе-хе.

Маясь бездельем, исключительно чтобы развлечься, я сделал к доспехам наручи и простенький шлем, сшитый из двух полос кожи крест-накрест. Поскольку уже без сомнений я именовал сделанный комплект доспехом, то с удовольствием занялся изготовлением меча, прототипом для которого взял ацтекский макуахутл. То было страшное оружие. Деревянный обоюдоострый меч с режущей кромкой из обсидиановых вкладышей. Воины, ягуары и орлы – рыцарство ацтеков таким оружием с лёгкостью перерубали врагам конечности. Меч наносил рваные раны, о которых в будущем скажут

– несовместимые с жизнью.

Сделал и отложил к доспехам. Так, на всякий случай.

Пришло время угостить соплеменников чаем с чагой. Чаепитие я представил как ритуал, священное действие. А в процессе этой церемонии важен ещё и разговор, общение. На чём я настаивал, увещевая соплеменников. Очень быстро такие чаепития стали ежевечерними.

В один из вечеров зашёл разговор о плохих людях. Вспомнила о них Саша. Ну, плохие, злые – люди такие, о чём новом я могу услышать? Они везде есть. Когда понял, что раньше племя жило у озера с тёплой водой, в котором и зимой можно было согреться, я стал внимательно слушать. Подумалось, что то озеро питают геотермальные источники.

Саша сожалела о тех славных временах и напредила всем, что злые люди убили шестерых мужчин и одиннадцать женщин. Она просто напредила, но я думаю, все поняли и то, о чём она не сказала: «Сейчас живём хорошо, может, лучше, чем тогда у Тёплого озера, а вдруг злые люди придут снова?»

Соплеменники приуныли. У костра стало тихо. Я молча поднялся и побежал к землянке. Вернулся к костру в доспехах и с макуахутлом в руках.

В тишине в отблесках костра я бил и рубил тени врагов. Прыгал и падал, приседал и делал выпады, танцевал, медленно рассекая мечом воздух. Когда закончил, ожидал привычной реакции – покажи, ошупываний и восхищения. На лицах детей восторг читался, а взрослые, все без исключе-

ния, сидели с каменными лицами. Наверное, мой танец напомнил им те времена, когда половина племени осталась на берегах Тёплого озера, а выжившие бежали, пока не нашли приют на этой дюне.

Подзываю Тошо и прошу его принести копьё. Товарищ, не раздумывая, отправляется к чуму. Приносит.

Я стучу себе кулаком в грудь и приказываю:

– Бей!

Когда он, вцепившись в древко, полный решимости ударить, нацелил кремнёвый наконечник прямо мне в грудь, стало страшно. Подумалось, что он всего лишь восьмилетний ребёнок и ударить сильно не сможет! Тут же вспомнился внучатый племянник из будущего – младшенький Костенька. Он, семилетний, подрался с одиннадцатилетним Андреем. Тогда большой семьёй выехали на пикник и дети что-то не поделили. Пока разняли, Костик крепко Андрея побить успел...

Тошо ударил. У костра закричали женщины, мужчины вскочили на ноги. Я понял, что зря всё это затеял, но кожаный нагрудник остался цел. От удара Тошо я всего лишь отступил на шаг.

Вот тут и началось вполне предсказуемое поведение. Интерес, ошупывание, обнимашки и похлопывания...

Через три дня поутру слышу шум в стойбище. Пробираюсь сквозь заросли поднявшейся с мой рост травы, иду к дю-

не. Там вижу Тоя в доспехах – точной копии моих, с макухутлом в руке, от удивления падаю на пятую точку.

Той ходил важно, покрикивал на соплеменников, раздавая указания, а они разбирали чумы, сносили в одно место тюки, корзины и короба. Я и сам чуть было не побежал одеваться и вооружаться. Всякие мысли в голову успели прийти. Но вскоре выяснил, что расплодившиеся комары, высокая трава и палящее солнце – знаки того, что племени пора переехать в лес. Новым пристанищем стала полянка неподалёку от того места, где я впервые увидел стадо косуль.

Я как раз положил на землю очередной тюк из шкур и уже собрался вернуться на дюну за новой поклажей, как услышал рычание зверя. Голодная поджарая, с отвисшими молочными железами волчица неслась на меня. Понимая, что уже ничего не успею сделать, закрываю глаза и думаю: «В этой жизни хорошо было, а с Аллахом ещё лучше...»

Повторил пару раз молитву – и всё ещё жив оказываюсь. Открываю глаза и вижу Тоя, горделиво, как античный герой, поставившего ногу на голову поверженного зверя. Он стряхнул с меча кровь. Воздев его к небу, закричал так, что сам Тарзан позавидовал бы.

Герой, конечно. А мне уже хорошо от понимания того, что ещё немного проживу на этом свете. Тою досталась слава, а мне – почёт и уважение соплеменников. За то, что жив, и за «изобретение» доспехов и меча. Кто-то обнимал, а кто-то хлопал по плечу.

Через пару часов все вещи племени перетащили на новое место. Пока соплеменники ставили чумы, копали палками яму для кострища, я решил нести в массы доброе и светлое – найти место для клозета, чтобы потом предложить вырыть небольшую яму и там. Спустился в овражек, который начался метрах в двадцати от новой стоянки. Навстречу из-под корней старой сосны, поскуливая, выкатился серый комочек. Беру щенка в руки и прижимаю к груди. Понимаю, что сегодня не только повезло избежать смерти, но именно из-за этой угрозы ещё найти то, о чём пока не мечтал.

«Огородами», чтобы не попасться на глаза соплеменникам, бегу к землянке. Пока бежал, сообразил, что надо было проверить – вдруг в логове ещё волчата остались. Мой волчонок оказался девочкой. Всю дорогу тыкался мокрым носом в шею. Особо не раздумывая, решил назвать Муськой. Оставил её в землянке, вознаградив за терпение куском мяса. Может, и рано ей ещё такое есть, но инстинкт подскажет. Мясо-то варёное.

Прихватив корзинку, отправился назад, к логову. Там нашёл ещё двух волчат. Один забился под корни и рычал. Второй отнёсся к моему визиту с безразличием. Спокойно дался в руки и был посажен в корзину.

Стою у сосны и думаю: как с третьим быть? Не хочется, чтобы он меня покусал. Пока размышлял, «злобный волк», виновато помахивая хвостом, вылез сам. Посадил в корзину и его.

Всё так же скрытно пробрался к своему жилищу. Представив, что эта троица начнёт гадить на мои шкуры, задумался, где поместить зверьё. Освободил под навесом для дров немного места и положил туда кусок шкуры. Выпустил из корзины волчат.

Муська мясо съела и встретила меня, пытаясь допрыгнуть повыше. Наверное, чтобылизать до смерти. Почесал её за ухом, погладил брюхо, дал немного покусать пальцы. Отрезал кусочек мяса для волчат и пошёл к ним. Муська выскочила следом, но сразу у неё это не получилось. Умиляясь, смотрел, как она пытается выпрыгнуть из ямы на выход.

– Молодец! – хвалю щенка, когда, выбравшись наружу, он стал атаковать мои чуни.

Положил перед волчатами мясо, засобирался к чумам, чтобы всё-таки найти то, что на самом деле хотел. Стал искать Муську и вижу серую красавицу, присевшую неподалёку, чтобы отлить. «Хорошо, если это не случайность...» Уж очень мне хотелось, чтобы щенок жил в землянке. Решил, пусть сама выбирает – то ли с братьями под навесом ютиться, то ли со мной.

О волчатах соплеменники пока не знают. Табу на приближение к жилищу шамана нерушимо. И это мне сейчас помогает сохранить тайну. Народ в племени зверей уважает и боится. Наверное, что-то генетическое срабатывает. Ещё не знаю, как они отнесутся к щенкам.

Музыка живёт в землянке. Иногда мне кажется, что она понимает абсолютно всё – и речь, и моё настроение. Кобельки тупые. Не то чтобы я имел весомые аргументы так утверждать, достаточно просто посмотреть им в глаза, чтобы понять это.

По опыту прошлой жизни пришёл к выводу, что животные могут быть яркими индивидуальностями и посредственностями, артистами и даже незаурядными личностями. А уж характерами они точно отличались друг от друга.

Хорошо, пока по большей мере волчата сидят под навесом.

Той всё время ходит в доспехах и с макухутлом. Ничего не делает. Решил, что охраняет племя от плохих людей. Народ относится к бездельнику с уважением. Благо рыбы и мяса достаточно. Подумываю, не сплести ли из ивовых прутьев щит. Можно ещё тренировочные мечи сделать и подкинуть. Тойю идею о соревнованиях. Чего только от безделья в голову не придёт...

Были мысли смастерить боевое копьё ацтеков – тепустопилли. Полностью деревянное и тоже с вкладышами из обсидиана на наконечнике. Крепились они не очень хорошо, и, если оставались в теле после удара, обычно раненый человек умирал.

От этой идеи отказался почти сразу. Случись появиться плохим людям, лук помог бы лучше. И охотиться с ним, конечно, удобнее. Обсидиановых наконечников для стрел я

уже сделал десятка три, а о луке только думал. Смущали меня два момента: смогу ли натянуть его и как подготовить дерево, сделать заготовки для плеч?

Знаю, что подойдёт почти любое дерево, даже сосна. Вот только не всякая древесина будет потом «стрелять». Если взглянуть на поперечный срез дерева, то можно рассмотреть тёмную древесину, состоящую из омертвевших и затвердевших клеток. Она служит твёрдым скелетом растения. По её порам из земли к кроне поднимаются вода и питательные минеральные вещества. Древесину опоясывает более светлый слой дерева – луб. Он состоит из живых клеток с тонкой, неодеревеневшей оболочкой, по нему вниз спускается сок. Между корой и лубом находится тонкий слой камбия – образовательной ткани, которая обеспечивает рост луба.

Весной образуется ранняя древесина, она более светлая и содержит много пор. Тёмная поздняя древесина намного плотнее, поэтому именно она представляет наибольшую ценность как материал для лука. Соотношение ранней и поздней древесины всецело зависит от условий роста. Выбирая материал для лука, нужно внимательно смотреть на срез. Лучше подойдёт более тёмный. Идеальный вариант – это толстые тёмные кольца с тоненькими светлыми прослойками.

Эх, а ведь в прошлой жизни, в будущем, мне приходилось мастерить луки. Однажды увлёкся. И хоть били они гораздо хуже фабричных изделий, но эстетика классического дере-

вянного лука ручной работы никого не оставляла равнодушным.

«Это сколько же сосен нужно спилить, чтобы найти правильное дерево?!» – сокрушался я. То ли дело пойти на сушку у лесопилки и выбрать всё, что душа пожелает!

«Спилить. – А ведь мысль верная! – Не попробовать ли мне смастерить пилу?!»

Эта идея меня воодушевила действовать немедленно. Обратился к Лиму-Камню. Попросил его показать всё, что осталось после работы с кремнём. Он выставил целую корзину не пригодившихся ему отщипов и сказал:

– Бери.

Сам дотащить её к жилищу не смог. Сел перебирать кремешки у чума Выдр. Отложил около пятидесяти, в сантиметр-полтора шириной основания, острых кусочков приблизительно одинаковой толщины.

Не поленился сходить в лиственный лес. Принёс оттуда несколько толстых берёзовых и осиновых веток. Начал строгать дощечки.

Дней через десять наконец получилось так, как я себе представлял. Две одинаковые дощечки плотно прилегали друг к другу. Без сучков и со сведённой нижней кромкой по принципу двухсторонней заточки ножа.

Вставил между ними подобранные куски кремня, залил клеем и слой за слоем стянул дощечки ниткой из сухожилий. Пила получилась сантиметров сорок. Ещё не знаю, как она

покажет себя в работе, но надеюсь, молодую сосенку должна осилить не сломавшись. Осталось набраться терпения и дать клею хорошо застыть.

Когда нашёл подходящее дерево и приступил к работе, практически сразу понял – нужна помощь кого-нибудь из мужчин племени. Пила ложилась в руку, в основном прижимаясь большим пальцем к согнутому указательному. Ни сил, ни нужной жёсткости мои пальцы тогда обеспечить не могли. Вспомнил, что Лют из нашего рода имел второе имя – Дерево. Вот к нему и обратился за помощью.

Моими глазами он выглядел молодым с короткой курчавой бородкой. Над алыми губами вились тонкие волоски усов. Серые глаза всегда смотрели со странным выражением задумчивости. Он часто дёргал себя за нос или поддёргивал бородку. Роста невысокого, как почти все соплеменники.

Лют не только с лёгкостью спилил пятнадцатисантиметровый ствол, но и разделил его на чурки сантиметров по пятьдесят. Правда, пилу не отдал. Вцепился в неё, как ребёнок, и предъявил очень весомый аргумент:

– Нужно!

Чурки я, как смог, обкорнал топором до состояния корявых брусков и часа по два в день срезал обсидиановыми пластинами лишнее дерево. В итоге получил несколько брусочков древесины с сердцевиной в центре. Половина пошла в костёр – при строгании в них обнаружались сучки.

Заготовки подвесил сушиться на элементы каркаса полуземлянки, чтобы Муська не испортила – она любила грызть ветки. Если не треснут, осенью приступлю к изготовлению лука.

Ежедневные встречи с Лило и Тошо, прогулки по лесу вблизи стойбища позволили мне немного побыть ребёнком – я о своей душе говорю. Почувствовать мир, как они, и время от времени подурачиться. С ними я почти не испытывал неудобства в общении. Словарный запас детей за четыре месяца общения со мной существенно увеличился. А они, общаясь с взрослыми, привносили в жизнь соплеменников новые понятия.

Во время одной такой прогулки я обратил внимание на жёлто-коричневые шляпки, едва заметные под хвойным пологом. Вырвав гриб из земли, опознал в нём маслёнок. Сбежали в стойбище за лукошками и стали собирать. Дети восприняли сбор грибов как очередную игру. Я же сделал вывод, что соплеменники грибы в пищу не употребляют. Когда наполнили лукошки, я попросил друзей помочь донести их к своему жилищу. О табу дети помнили, но любопытство взяло верх. А там нас встретила уже немного подросшая Муська. Щенок, сморщив верхнюю губу, зарычал. Побросав лукошки, Лило и Тошо побежали прочь от страшного зверя. А Муська тут же завиляла хвостом и бросилась ко мне «целоваться».

Первой остановилась Лило, за ней Тошо. Увидев меня иг-

рающим с волчонком, они робко приблизились. Я почёсывал волчице живот, и она сделала вид, что не замечает гостей. Ребята, осмелев, подошли к нам. Минут через пять толкались друг с другом, чтобы погладить моего зверя. Я эту возню между ними прекратил привычным для них окриком:

– Нельзя! – и поманил за собой пальцем.

Показал пару щенков. Тут же мысленно смирился, что их придётся отдать в хорошие руки – Лило и Тошо. И решил, что к стойбищу провожу их. Как бы чего плохого не вышло.

Всё обошлось. А Той меня удивил, сказав, что такое время от времени уже случалось. Дети разных детёнышей приносили. Потом махнул рукой и добавил:

– Всё равно вырастут и убегут...

Глава 5

По моему календарю наступила осень, но в природе пока перемен не замечаю. Разве что грибов стало больше. Когда первый раз насобирал с друзьями, думал, попробую немного с мясом сварить что-то вроде супа, остальное высушу, если варево придётся по вкусу. Получилось вкусно!

Сходил к соплеменникам и показал. Теперь собирают и сушат, но только маслята. Я в прошлой жизни ходить за грибами любил, но так и не научился уверенно различать всякие рядовки, зеленушки, моховики... Поэтому на правах шамана на все остальные виды наложил табу.

Работы у соплеменников много. Племя небольшое, а животный мир вокруг богатый. Охотники – добычливые. Для шкур места в чумах уже не хватает. И пахнет в стойбище не очень приятно. Хоть и скоблят их, но дубить как следует не умеют. Чем-то натирают, потом смывают. Такой мягкости, как у некоторых кусочков, что мне попадались, у соплеменников не получается. Все в племени ждут времени, а оно, как я понимаю, вот-вот настанет, чтобы пойти на встречу с другими людьми, живущими выше по реке, и поменять кремень и шкуры на кожу, соль и вошину.

Когда узнал об этом от зеленоглазки и она похвасталась, что в этот раз уйдёт с родом туда, я решил расспросить об этом походе у Тою. Вожаку уже надоело патрулировать от чума к чуму, и он вернулся к привычным для мужчин племени делам – рыбалке и охоте. Ближе к вечеру я подошёл к Тою, увидев его сидящим у костра на бревне. Время от времени Лют притаскивал в стойбище спиленные брёвна. Моя пила давно развалилась, но он сделал другую, потом ещё и ещё. Последняя из тех, что я видел, даже имела ручку.

Той сидел оперев локоть в ногу, поддерживая голову ладонью. Густые волосы собраны в хвост, широкий лоб покрыт горизонтальными морщинами. Борода с проседью полностью закрывала грудь, и его голова казалась большой именно из-за обильной растительности. Вождь заметил меня, и в его усталых глазах промелькнул интерес.

– Показывай!

– Я хочу спросить. – Присаживаюсь на корточки и грею ладони над костерком.

– А-а-а... – Кажется, он потерял интерес, но мне всё равно.

– Кто пойдёт к другим?

– Все Белки.

– Я пойду?

– Пойдёшь.

– Что понесём?

Он выпрямил спину и, будто делая одолжение, перечислил всё то, о чём я и сам догадывался.

– Камень и шкуры. Ещё чёрный камень. – Видимо вспомнив, что последний нашёл я, расслабился и даже улыбнулся.

– Чёрный камень нести нельзя! – говорю я и вижу, как серые глаза вожака темнеют.

Он засопел, и будь я Тошо, то получил бы затрещину.

– Показывай!

Для взрослых говорить просто привычно. Любой из детей уже попросил бы рассказать. Но я и показать могу, да хоть на пальцах!

– Шкуры ты поменяешь на кожу. За одну, – показываю указательный палец, – отдашь десять! – тычу ему растопыренные пятерни. – А если понесёшь топоры и копья, ножи из чёрного камня, то получишь за один, за каждый – десять, а может, и больше других нужных вещей! – Говорю медленно, речь сопровождаю жестами, смотрю ему в глаза.

Тонкие губы Тоя вытягиваются в улыбку, а в глазах заплясали весёлые огоньки.

– Хорошо! – решает вождь, поднимается и кричит: – Ли-и-им!

Полирую кусочком шкуры рукоять будущего лука. Лежащая рядом Муська подняла голову и наострила уши. Смотрю, гости пожаловали. Слезаю с пригорка, иду навстречу Лило и Тошо. Те тоже со щенками. Волчата подросли. Уже чуть выше колен. Что-то взрослое, волчье появилось в их движениях. Не было бы у меня своего щенка, пожалуй, уже не рискнул бы погладить таких зверюг.

Лило, как обычно, при встрече обняла, а Тошо, смешно морща курносый, усыпанный веснушками нос, поинтересовался:

– Что делаешь?

– Потом покажу. Сейчас не знаю, как объяснить. Рассказывай новости.

Тошо мой отказ принял равнодушно и тут же сообщил:

– Завтра уходим!

– Как – завтра?!

Тошо пожимает плечами, а Лило, подпрыгивая на месте, затараторила:

– Представляешь, завтра мы увидим новые места, новых людей...

– Других увидим не завтра, – перебил её Тошо. Задумал-

ся, подбирая подходящее слово: – Потом увидим. – И, смутившись, схватил рукоять и стал тащить её из моих рук.

Посмотреть поделку всё же я ему дал.

Дети, как обычно, поиграть пришли, а я всё думаю, что не готов идти завтра в поход. Полагаю, нужно подготовиться, но, что именно сделать, пока не знаю. Всё казалось, что это случится не завтра.

Лило толкает в плечо, выводя меня из задумчивости, и заявляет:

– Бусики хочу. Скажешь Тою?

Взрослые соплеменники чем-то украшали себя. Я стал обращать на это внимание, когда вожак повесил на шею клыки убитой им волчицы. Какие-то камни вроде куриного глаза, только не галька, а похожие на речной сердолик и агат. Как-то раньше в голову не приходило попробовать сделать самому что-нибудь из примитивных украшений. Уже и рот раскрыл, чтобы пообещать Лило, мол, сам тебе бусики сделаю, но, представив, сколько времени потрачу на эту забаву, лишь кивнул.

Лило на радостях снова полезла обниматься. А мне в голову дурацкие мысли лезут: «Почему никогда не видел, чтобы она Тошо обнимала?»

Заснул глубокой ночью, а с рассветом Лило уже звала, чтобы я шёл в стойбище.

Зато «рюкзак» успел сделать. Вырезал из шкуры прямо-

угольный кусок. Нарезал по краям дырок и зашнуровал верёвкой. Получился мешок. Если в него положить что-то тяжёлое, то, скорее всего, от какой-нибудь дырки он и порвётся. Но запасные чуни, завёрнутые в шкуру наконечники и кое-какие инструменты нести в нём можно. Пришил лямки и – вуаля!

Положил в мешок ещё горшочек с чагой, пару чашек, взял дротик и пошёл к соплеменникам. Муська, понятное дело, увязалась за мной.

Вижу Тою в доспехах и с мечом в руке. В груди растёт досада: «Вот павлин! На войну собрался?! Ему покрасоваться, а конкуренты – поставщики стратегического сырья – увидят готовое изделие и...»

Подхожу к Тою и обращаюсь:

– Вождь...

Он отмахивается, кричит на Тибя:

– Оставь ребёнка!

Та упёрлась. Ни в какую не хочет оставить кроху с Таша. Получает подзатыльник и, всхлипывая, идёт к провожающим Белок Выдрам.

Той замечает на мне рюкзак и снова за своё:

– Покажи!

– Покажу. Послушай меня!

Кивает:

– Говори!

– Не иди к чужим в доспехах.

Опять хмурится и сопит. Чувствую, отгребу.

– Нельзя им показывать! – кричу и топаю ногой.

– Нельзя... – Вдруг он соглашается и спокойно уходит к чуму.

Вокруг – тюки со шкурами и наполненные корзины. Внизу – камни и изделия из них, сверху – вяленая рыба. Всё поумному сделано. И тюки, и корзины связаны толстой верёвкой, чтобы по паре нести через плечо.

Как только Той переоделся в шкуры, Белки пошли. Вождь, как водится, первый. Я иду замыкающим колонны, но недолго. Толо решил идти последним.

Шли молча, сберегая дыхание. И только безразличный ко всему лес озвучивал наше движение вскрикиванием соек и сорок.

Когда я почувствовал тяжесть поклажи, лес становился всё более сырым и тёмным. Сухой соснячок сменился дубовой рощей, а вскоре и ольховник замигал еле шевелящимися на ветру густыми ржавыми листьями.

Солнце наконец пробило облачную муть, и стало жарко. А вождь и не думал останавливаться. Мог бы ведь! Хотя бы для того, чтобы дать отдохнуть детям. Даже трусившая рядом Муська вывалила язык и время от времени поглядывала на меня с укором.

Часто мы пересекали уютные поляны, поросшие высокой, не по-осеннему сочной зелёной травой. «Вот здесь, здесь отличное место для привала!» – звучала в голове мысль, а мы

продолжали идти.

Просветы среди деревьев становились всё ярче, и вскоре мы вышли на лужок. По нему пробирались почти вслепую среди высокого ковыля и дербенника с уже поникшими розовыми цветами, пока вдруг не вышли к обрыву. Внизу поблёскивала речушка, вся в тугих, будто масляных разводах струй. По ней плыли седые узкие листья тальника. За рекой широко расстилались сизо-зелёные заросли ивняка.

Той остановился, мы за ним. Но спустя мгновение, отвернув от кручи, он возобновил движение, а я, споткнувшись, едва не толкнул Тиса. Заметил на её спине грязные дорожки пота, услышал прерывистое дыхание.

За лугом вновь начался сосняк. И мы опять остановились. Я с трудом поборол желание привалиться спиной к сосенке. Увидел идущего ко мне Тоя и раскрасневшуюся мордашку Лило, крадущуюся за ним. Вождь навис надо мной как скала и строго, с намёком спросил:

– Разве тебе духи ещё не советовали остановиться?

«Они мне уже пару часов кричат об этом!» – хотел сказать ему, но вместо этого, приосанившись, ответил:

– Когда духи посоветуют, я скажу...

И снова Белки колонной, едва переставляя ноги под грузом тюков и корзин, пошли звериными тропами и меж холмами, поросшими то высокими соснами, то величественными елями. Правда, недолго. Сам еле ноги переставлял. Едва увидел полянку, закричал:

– Стой!

Упал на пахнущую грибами хвойную подстилку и про себя выругался: «Шаман-баран! Как же я упустил такой важный момент?!»

Пообещал себе впредь на всякий случай высказывать соплеменникам своё мнение по любому поводу. Правда, тут же снова накосячил.

В какой-то момент мне показалось, что отдыхаем долго. Слишком долго. Успели и перекусить, а кое-кто и вздремнуть. Муська дрыхла лёжа на спине, смешно по дёргивая лапами. Я поднялся, чтобы спросить, а не пора ли нам идти, как тут же встали с хвойной подстилки и соплеменники. Той, не говоря ни слова, двинулся дальше, мы за ним. Я шёл, коря себя за неосмотрительность.

«Понятное дело, коль духи посоветовали остановиться, то все ждали их позволения снова выступить в путь. Вот только вождь не нуждался ни в чьих советах, когда Белки выходили из стойбища! Надо бы впредь не упускать возможности ссылаться на шёпот предков...»

Тёмный еловый лес затих. Глубокое безмолвие царило во круг. Чёрные зловещие деревья клонились друг к другу в надвигающихся сумерках. Чувствую, пора озвучить совет духов. Снова кричу:

– Стой!

Довольные соплеменники, тут же сбросив поклажу, засуетились, как потревоженные муравьи. Мужчины рубили боль-

шие еловые лапы, женщины собирали хворост и стаскивали материал для костра к Тою. Вождь присел на корточки, достал мешочек и что-то высыпал из него на землю. Я услышал стук и увидел сверкнувшую в сумерках искорку. Тут же под его руками появился огонёк, и вскоре над сложенным костром взвилось пламя.

«Трут и кремь!» – улыбаюсь от мысли, что впервые вижу, как соплеменник разжёт костёр. Ведь в стойбище всегда были тлеющие угли...

Через два дня мы вышли на равнину, упирающуюся в горизонт. Идти по низкой припавшей траве стало легче. Соплеменники оживились, зазвучали их голоса и смех. Я так устал, что не пытался вслушаться, о чём они говорят, и понял, что мы близки к цели, когда Белки сами остановились и опустили поклажу на землю.

Чёрная холодная река несла ивовые листья. Зябко подрагивали кусты, опустившие в воду тонкие ветви. Посвистывал ветер, гоня над головой тёмные, местами окрашенные закатом тучи. От ледяной воды свело зубы. Я старался пить маленькими глотками, вспоминая, как в прошлой жизни учила меня мать.

Немного отдохнув, пошли снова, пока на речной протоке под обрывистым берегом не увидели дымящиеся костры.

Навстречу нам вышли люди. Их одежда была сшита из меха и мягкой дублёной кожи. Продрогший, я впервые в этой

жизни испытал острое чувство зависти и страстное желание обзавестись такой же одеждой.

Глава 6

Чужаки не понравились мне сразу. То, что на Белок они смотрели свысока и с презрением, так, как белые колонизаторы на дикарей, я ещё мог понять, хотя мог и ошибаться, неверно истолковав взгляды. Но не предложить уставшим путникам кров или не разделить с ними хотя бы тепло костров... Всё вместе, что я успел почувствовать и увидеть, стало для меня первым откровением в новой жизни: люди всегда такими были! Неприветливыми, скорее враждебными к чужакам, высокомерными и тщеславными.

Мы разожгли свои костры, устелили вокруг них еловые ветки и улеглись на них, накрывшись шкурами. От накопленной за время пути усталости спали крепко, как говорили в моём будущем – без задних ног, но я проснулся от холода ещё до рассвета. Подкинув в костёр хвороста, снова прилёг и опять провалился в глубокий, без сновидений сон.

С утра прямо на берегу чужаки выложили на землю свои товары. Куски соли в больших плетёных коробах, головки тёмного воска в корзинах и совсем немного пластинок лосиной кожи. Выдубленных мягких шкур с пушистым мехом, к огромному сожалению, я не увидел.

Той прохаживался вдоль товара с дурацкой улыбкой и по-

чёсывал волосатый живот.

Белки принесли на берег нашу поклажу.

Чужаки удивились, увидев так много шкур, что-то оживлённо стали обсуждать, и их, вероятно, предводитель – важный, почти на голову возвышающийся над соплеменниками мужчина с первой сединой в окладистой бороде – подошёл к Тою.

Я стоял чуть в стороне от толпящихся людей и не слышал, о чём они говорили. Всё раздумывал, как заполучить хотя бы один комплект меховой одежды, и сокрушался, что такое желание возникло только у меня, расстраивался от мысли, что на обмен этого товара, возможно, какой-нибудь шаман наложил табу. Ведь я предложил Тою не нести сюда обсидиан!

Тем временем между вождями шёл нешуточный торг. Они стали кричать и размахивать руками. Заинтересовавшись происходящим, я подошёл ближе.

Оказывается, чужак решил нас ограбить, предлагая Тою за тюк – а в нём было двадцать – двадцать пять шкурок ко-сульт – небольшую пластину кожи. Наверное, Тою не стоило начинать торг именно с неё, но я его понимал: доспехи ему понравились. А сколько ещё можно сделать полезных вещей, знал только я один, но моего интереса к особо не востребованной одноплеменниками коже ещё в стойбище хватило...

Я подошёл к ним и громко заявил:

– Духи сказали мне, что Той отдаст десять, – показываю

чужаку растопыренные пятерни, – за одну!

Сжимаю руку в кулак и выпрямляю указательный палец. Потом направляю его на стопку кожаных пластин. Задрав нос, не торопясь отхожу в сторону.

Той разводит руками, мол, видишь, как оно! Чужак тарашит карие выпученные глазищи, потирает ладонью щеку и пытается что-то ответить, но пока только открывает рот. Наконец я услышал его голос, тонкий, почти бабский, визгливый:

– Той, почему мальчик сказал, когда мужчины говорят?

Мне показалось, он специально спросил так коряво. Вчера между собой они непринуждённо изъяснялись речью, наполненной большим смыслом, чем у моих соплеменников.

– Он слышит духов. Они ему говорят.

Чужаку, по всей вероятности, крыть было нечем. Он отдал кожу, как духи велели. Но поглядывать на меня стал так, что даже Муська припадала к моим ногам и шерсть на её загривке вздыбливалась.

Когда Той положил перед ним шкуру и стал выкладывать на неё изделия из обсидиана, подошли и другие чужаки. Но особого интереса в их взглядах я не заметил. Такое равнодушие длилось до тех пор, пока Той одним движением руки не порезал кусочек шкуры, заранее подготовленный для этой цели.

Чужаки оживились, стали брать то пластины с деревянными рукоятками, то наконечники дротиков. Один из них,

невысокий коренастый крепыш, попробовал проверить подушечкой пальца нож на остроту и тут же, порезавшись до крови, завизжал. И наши и чужаки засмеялись. Торг пошёл веселее и, судя по довольному выражению лица вожака Белок, успешно.

Сумерки заползли к реке и забрали воду, съели постепенно, начиная снизу, стебли камыша и осоки, поглотили корявые чёрные притопленные кусты и вывороченные корневища с протянутыми кверху острыми крючковатыми ветками, подрезали ольховник, оставив лишь голые прутья-вершинки. В этой полутьме ярко горели костры и пахло жареным мясом. Я грелся у огня и смотрел на круглое лицо вождя чужаков. Оно густо заросло кудлатой бородой, и нечёсанные пепельные космы скрывали лоб.

Наверное, духи нашептали познакомиться именно с ним, а он, к удивлению, и сам, как оказалось, был не против пообщаться. Назвался Ниэром. Услышав моё имя, усмехнулся и предложил посидеть у костра. К огоньку я присел не сразу. Достав из мешка горшок с чагой, высыпал сухие рыжие щепки на кусочек шкуры. Сходил к реке и, наполнив посудину водой, вернулся.

Выгреб из огня немного углей и поставил на них горшок. Ниер смотрел с любопытством, не более. Интерес в его маленьких, под припухшими веками глазах вспыхнул, когда вода стала закипать. Бросив в неё немного чаги, я достал и чаш-

ки.

– Что это? – спросил он.

Я, полагая, что вопрос относится к вареву, ответил:

– Лекарство. Чтобы не болеть и быть сильным!

Он рассмеялся:

– Наша шаманка могла бы многому тебя научить, мальчик. Я хочу знать, кто это сделал?

– Я сделал.

– Духи подсказали?

Ехидная улыбка обнажила его белоснежные, но кривые зубы.

– Они.

– Пусть так. Что ты за это, – он ткнул пальцем в горшок, – и за это, – показал на чашки, – хочешь?

Конечно, я ликовал! Поэтому ответил сразу, без раздумий:

– Одежду, как у тебя!

– Получишь! – также не раздумывая ответил он.

Ниер забрал из моих рук чашку и стал её разглядывать. Потом позвал соплеменника – просто выкрикнул в темноту его имя. Мне послышалось, будто прозвучало – Онай. Хотя «о», брошенное с придыханием, могло оказаться и «хо». Хонай – тоже для имени подойдёт.

К костру вскоре подошёл тот, что порезал палец. Ниер не попросил, скорее приказал Хонаю принести для меня одежду. Тот кивнул и растворился в темноте. Я пока вытащил из

хвороста палку и, разломив её пополам, снял горшочек с углей.

Ниер, налюбовавшись чашкой, спросил:

– Зачем тебе зверь?

Муська пристроилась у моих ног, но время от времени вскакивала. Сейчас она тоже стояла, глядя вслед ушедшему.

– Нашёл в лесу. Привык к ней.

Глажу волчицу и не могу скрыть, что мне это нравится.

– Это баловство. Вырастет – в лес уйдёт. Вот зиму назад Ноттой убил свинью, а поросят Хотта забрала и выкормила. Польза была...

«Всё-таки – „хо“! Имя женщины прозвучало намного чётче».

Хотел спросить, чем кормили поросят, но тут же решил, что не хочу говорить об этом. Вот если бы он научил соплеменников шкуры выделывать... Но знаю, что не научит. Молчу...

Коснулся горшка. Уже не горячий. И немудрено, воздух холодный, градусов двенадцать, а может, и меньше.

Плеснул в чашку отвар, передал Ниеру. Он принимает угощение и отдаёт мне пустую. Наливаю и себе.

Выпили по второй, третьей...

Пьём не спеша. Ниер даже снизошёл до похвалы:

– Приятно пить горячую воду. А зимой...

Насколько приятно ему выпить чай зимой, он так и не сказал. О чём-то задумался.

Вернулся Хонай и что-то прошептал Ниеру в ухо.

– Есть для тебя одежда! Пойдём, под крышей наденешь.

Я, понятное дело, с готовностью поднялся. Обрадовался!

Дурак старый...

Волчица бежала всю ночь, натыкаясь в темноте на препятствия и преграды, которые замедляли её бег, но не сбивали желания двигаться дальше. И днём ей не стало легче. Река вошла в лес, и бежать пришлось, часто обходя густые заросли. Она теряла из виду людей, сидящих на странном дереве, плывшем по воде.

Осторожно ступая, она вышла из-за деревьев на большую поляну. Несколько минут стояла там, слушая и приноживаясь. До её слуха доносились глухие голоса мужчин, пронзительные женские и даже тонкий, жалобный плач ребёнка. Она смотрела на высокие, обтянутые шкурами чумы, пламя костров и дым, медленно поднимающийся в спокойном воздухе. Её ноздри улавливали множество знакомых запахов. Но она не стала спешить и улеглась на траву.

Прошёл час, прошёл другой, в её глазах светилась тоска. Она дрожала от охватившего её желания подойти ближе к кострам и найти единственного небезразличного ей человека.

Волчица помнила своих братьев, запах и вкус молока матери – источник тепла и пищи. Но человек, случайно появившийся в её жизни, стал чем-то большим, и воспоминания о

нѐм почти заслонили воспоминания о первых месяцах жизни.

Она не умела мыслить, как люди, но всё, что хотела, было ясным и определённым: найти человека и быть рядом!

Тот восторг и трепет, которые она чувствовала к нему, были сродни восторгу и трепету, которые ощущают дети к родителям.

От чувства одиночества, вдруг охватившего волчицу, ей захотелось сесть и завывать. Громко и протяжно...

«Какой же я дурак!» – первое, о чём подумал, открыв глаза.

...Одежда оказалась не новой, но вроде чистой и не сильно заношенной. К тому же комплектов обнаружилось два! Ниер пояснил, что один, кожа которого выглядела и тоньше, и мягче, надевается мехом к телу, а другой – сверху, мехом наружу. Артачиться я не стал. С удовольствием натянул штаны, чуни, которые ни в какое сравнение не идут с моими обмотками, и кухлянку. Похожие в будущем носили эскимосы.

Согрелся сразу, и даже стало жарко. Как говорят, пар костей не ломит, а мы, в кругу друзей в моём прошлом-будущем, шутили: «Отмороженных вокруг много, а ошпаренных пока не видел!»

Настроение моё заметно улучшилось! И тут же стало немного грустно, когда я представил лица соплеменников, когда они увидят меня в одежде чужаков. Может, Тою удаст-

ся договориться с Ниером об обмене? Табу ведь нет! В моём будущем были, кажется, фьючерсы? Лоси – так называли себя чужаки – отдадут нам одежду сейчас, а мы им потом подгоним, например, горшки! А если вдруг сами додумаются слепить, то можно предложить пилы. С этой мыслью я собрался выйти из чума, как вижу, Ниер сует мне какой-то пучок травы.

– Ты меня угощал, и я тебя угощаю.

Беру, засовываю в рот и жую. Поначалу чувствую вкус обычной высушенной травы, потом будто язык онемел и рот сразу же наполнился слюной. Хотел сплюнуть, но, заметив пристальный взгляд вожака лосей, проглотил. Сразу же стало хорошо...

Связанные кожаными ремнями руки затекли, пробую пошевелить ногами, констатирую, что они тоже связаны. В чуме я один. Снаружи ночь. Лоси не спят, шумно там. Празднуют, наверное. Слышу за «стенкой», будто кто-то роет землю. Прислушиваюсь. Точно роет. И когда грязная, вся в земле морда Муськи стала тыкаться в лицо, на глаза навернулись слёзы.

Переворачиваюсь на живот и пытаюсь растянуть ремни на руках. Волчица помогает. Вцепилась зубками в ремешки и мотает туда-сюда головой. Ремни ослабли, и я смог высвободить руки. Больше времени ушло, чтобы распутать узлы на ногах.

Через прорытый Муськой лаз выбрались наружу. Небо

хмурое, ни звёзд, ни луны не видно. Вспоминаю, будто приходил уже в себя, когда по реке плыл в лодке (!). Но всё было словно во сне: то ли со мной, то ли привиделось. От травки Ноера меня посещали всякие глюки. И будущее виделось, и события из этой жизни.

Ползти, красться не вижу смысла. Одет я так же, как и похитители, а заметит кто ползущего человека – наверняка насторожится. Говорю про себя: «Ничто и ничего не случится со мной без воли на то Всевышнего» – и спокойно иду на журчание воды.

В темноте чуть было в воду не вошёл. Споткнулся вовремя о корягу. Присел, ощупываю влажное дерево. «Что-то на корягу не очень похоже. Точно, лодка!»

Переваливаюсь через борт внутрь. Муська тоже впрыгивает. Руки шарят вокруг, нахожу вроде весло. Отталкиваю им лодку от берега. Медленно, но она движется по скользкому берегу. Опустил в воду пальцы, чувствую течение. Решаю, что поплыву по нему, раз путь наш лежал сюда против него. Представляю маршрут, пройденный Белками, надеюсь, что топографическим дебилизмом не страдаю. Но оказалось, сделать это сложно, ведь Той срезал дорогу по лесам и лугам. Буду держаться левого берега. Авось доплыву.

* * *

Переливающийся стеклянный звук долетел откуда-то

сверху, словно загомонили сотни жалостливых невнятных голосов. Открываю глаза и вижу высоко в небе клин летящих гусей.

«Всё-таки заснул...»

Обычная по меркам будущего двухметровая или около того долблёнка здесь была результатом огромных усилий. Наверное, прежде, чем свести нос и корму каменными топорами, выжигалась сердцевина древесного ствола. Я рассмотрел на внутренней стороне стенок и немного на носу лодки чёрные разводы. Течение усадило лодку на галечный аллювий, остановив её в полутора метрах от берега в стоячей воде.

Гуси улетели, и вокруг стало тихо. Даже смолкли обычно хозяйничающие в лесу сойки и синицы, и слышен только шелест воды, который, едва только привыкнет ухо, воспринимается как самая глубокая тишина.

Тёмный еловый лес стоял, нахмурившись, по обоим берегам реки. И небольшой галечный пляж, пожалуй, был единственным местом, по которому я могу попасть на берег, не рискуя потерять лодку.

Склонившись за невысокий борт, зачерпнул ладонью воду и попил. Тут же почувствовал голод. Идей, как решить эту проблему, пока не было. Хотя я и опасался погони, но, ещё ночью поразмыслив, пришёл к выводу, что спешить Лоси не станут. Скорее решат, что ни я, ни запасы керамики в стойбище Белок никуда от них не денутся. Наверняка ещё расспросили обо всём недалёкого Тоя.

Разувшись и сняв штаны, я полез в воду. Вспомнил вопрос какого-то философа. Он спрашивал то ли аудиторию, то ли оппонента: «Что нежнее, глаза или ноги?» Вопрос был отнюдь не риторическим, ибо за ним, следовал другой: «Почему же тогда глаза не боятся холода, а ноги мы стараемся согреть?»

В моём случае философ оказался не прав. Например, мой рот ощущал холод воды, а ноги она лишь приятно холодила. Шучу, конечно, философы всегда правы...

Развернул лодку к берегу и вытолкнул нос на сушу. Волчица выскочила на берег. Ещё не выходя из воды, среди серой гальки я заприметил жёлтый камень. Неподалеку второй... Сердце забилося радостнее. Ведь кремень – это огонь!

Быстро собрал десяток камней и, бросив их в лодку, натянул штаны и чуни. Побродил по ельнику, притащил на пляж сухой травы и веток. Потом полез в густые заросли прибрежного тростника, чтобы нарвать метёлок, и увидел пустое птичье гнездо. Мне показалось, оно лучше подойдёт в качестве трута. Прижимать к камню его, несомненно, удобнее, чем пушистые тростниковые метёлки.

Выбрав пару камней по руке, я присел у сложенного костерка. К камню в левой руке большим пальцем придавил птичье гнездо, а тем, что зажал в правой, стал наносить удары. Одна из искр попала на трут, и тот стал тлеть. Отбросив в сторону кремни, я стал раздувать пламя и, как только гнездо вспыхнуло, поджёг траву и собранный хворост.

Муська зря время тоже не теряла. Похоже, уже нашла что-то съедобное. Я видел её спину и слышал, как она работает челюстями, разгрызая кого-то. Из интереса подошёл посмотреть. Волчица поймала огромную лягушку. Удивился: знал, что вроде зимуют они на дне.

Разделся и снова полез в воду. Добрёл к обрывистому берегу и стал шарить под ним в поисках нор. В первой же нащупал вялую рыбку. Оказалось, поймал голавля! Небольшой, граммов на четыреста, он затрепыхался, едва оказался снаружи.

Поджарив рыбку, я согрелся и утолил голод. Потом опять побрёл в реку. Поймав ещё четырёх рыбёшек, запёк их на углях и, укутав в сухую траву, перенёс в лодку.

Свистнул Муське и полез в долблёнку.

Местами течение ускорялось, а кое-где почти не ощущалось. Стараясь не замечать появившихся от гребли водянок и стоически терпя боль в ладонях, я грёб из последних сил. Уже давно снял кухлянку, но пот всё равно заливал глаза.

Мне казалось, что вот-вот за поворотом увижу пологие галечные берега, а за ними и знакомую дюнку, но, свернув, снова и снова то натыкался на остров, vyplывающий из тумана, то оказывался на просторах разлившейся вдруг реки, когда далёкий берег темнел полоской леса под пронзительно синим, без единого облачка небом.

Глава 7

Прошла ещё одна бессонная ночь...

К рассвету туман исчез, подгоняемый холодом, а подбитые набирающим силу ветром листья посыпались с ив. Выходило солнце. Большое, красное, оно легло на лес, казавшийся отсюда, с реки, густым и заманчивым.

Грести сил уже не было, только править, обходя плавни и мели.

Какая-то беспокойная, жгучая тревога терзала меня, как прилипчивый слепень, донимающий в жаркий летний день. Только упустишь его из виду – и сразу чувствуешь боль.

«Лоси приплывут. – Почему-то сомнений на этот счёт я не имел. – Они не станут убивать моих соплеменников. Наверное. Будут хитрить, высматривать, давить мнимым, но только для меня, превосходством или принуждать? А если я всё-таки доплыву и расскажу, как они со мной поступили, не появится ли у Тоя желание обогреть человеческой кровью макуахутл, испытать на прочность доспехи?»

За тревожными мыслями пришли воспоминания из прошлой жизни. Вдруг они стали яркими, живыми, будто я снова оказался в полесских лесах сорок первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.